Эрих Кемпка

Я СЖЕГ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА

ЗАПИСКИ ЛИЧНОГО ШОФЕРА

Впервые в СССР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Тринадцать лет личный шофер Гитлера Эрих Кемпка наблюдал за своим шефом. После войны он опубликовал свои воспоминания. У нас они выходят впервые.

- Я сжег Адольфа Гитлера. Записки личного шофера
  - От редактора
  - Гитлер принимает меня на службу
  - 13 лет на службе у Адольфа Гитлера
  - В Бергхофе
  - Профессор доктор Тео Морелль
  - Мартин Борман
  - Под знаком тревоги
  - В бункере фюрера в Берлине
  - Конец приближается
  - Смерть Адольфа Гитлера
  - После сожжения
  - Бегство из Берлина
  - Послесловие автора
  - Заявление
  - «Он умел обманывать…»
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Я сжег Адольфа Гитлера. Записки личного шофера

От редактора

Эрих Кемпка — личный шофер Гитлера — нарисовал в воспоминаниях образ своего шефа, основываясь исключительно на собственном опыте. Вполне допускаю, что все написанное автором — правда. Правда незначительного факта, рядового каждодневного ритма жизни услужливого подчиненного. Авторское мироощущение, его кругозор и совесть именно так побуждали фиксировать, отбирать и сохранять в памяти то, о чем говорится в воспоминаниях.

Но вот вопрос: в какой мере эта правда всеобъемлюща?! Насколько верно она отражает сущность личности Гитлера и фашизма?! Не написана ли она человеком с ледяным сердцем и безжалостным умом?! Признаюсь, при чтении воспоминаний у меня то и дело перед глазами вставала другая правда. Тоже из личного опыта. Вставала помимо воли, редакторского профессионализма, требующего определенной эмоциональной отрешенности от текста. Возникали ассоциации и параллели из далекого детства, прошедшего в оккупированном немцами селе.

Память шестилетки не смогла удержать все в целостности, но она запечатлела во всей четкости отдельные фрагменты той жизни. Их невозможно забыть, несмотря на почти пятьдесят прошедших лет. И то, как несколько дней раскачивались на сельской площади трупы повешенных за что-то односельчан. И то, как мы, выселенные из собственного дома, ютились в пристройке, а в доме жили два немецких офицера. И то, как мать по приказу снимала с полупьяного обер-офицера сапоги, облепленные комками украинского чернозема, а затем обязана была их тщательно мыть, сушить и начищать кремом. А жуткая сцена с сестрой: немец стоит с поднятым в руке пистолетом, а напротив мать, заслонившая собой сестру. И разноязыкая речь: крик на немецком и мольба на украинском. Инцидент, чуть ли не стоивший жизни сестре, возник из-за того, что немец взял в шкафу какую-то книгу, разорвал ее и отнес в туалет для собственных нужд. Возмущенная сестра что-то сказала немцу повышенным тоном, и этого было достаточно, чтобы «инстинкт германского превосходства» взыграл тут же, на глазах.

Конечно, с Кемпкой ничего подобного не случалось. Но я, как редактор и как читатель, не верю, что он не ведал о тоне, каким вещал Гитлер, не видел стиля, какой он насаждал. Ведь образцы находились, что называется, под рукой, они говорят сами за себя, и их стоит вспомнить: «Я принял решение раз и навсегда», «Я обладаю твердой волей принимать жесткие решения», «Наша цель

— уничтожение жизненных сил Польши, а не только завоевание ее пространств», «Несомненно, многие миллионы умрут от голода (в России. — *А.Ч.*), если мы вывезем те вещи, которые нам необходимы». «Все зависит от моего существования. Никто и никогда не будет в такой степени обладать верой германского народа, как я. Мое существование — фактор величайшего значения». Леонид Леонов, писавший свои статьи с Нюрнбергского процесса, не без сарказма замечает: «Что ни говори, а в этот денек фюрер был в ударе!» Но уже без всякой иронии писатель признает: «…поражает ясность мышления убийцы, и, наверно, сам Раскольников не обдумывал с такой тщательностью убийство своей старухи. Планы нападения на мир составлены с хладнокровием, обстоятельностью…»

Конечно, никаких крупномасштабных замыслов, планов, деяний (тем более нацистских злодеяний) читатель в книге не найдет. Э. Кемпка выстраивает свое повествование на весьма скромном материале. Но странное дело: читаешь об одном, а память высвечивает нечто другое. Бытовой, незначительный факт, приведенный автором, как бы перекрывается более суровыми событиями, запомнившимися по иным источникам.

Читаю об изматывающей предвыборной борьбе еще малоизвестного Гитлера, а вижу молчаливые факельные шествия по улицам южно-немецких городов, во время которых кого-то бьют палкой по голове, а кому-то простреливают живот. Респектабельный разговор фюрера о книгах вызывает иную картину: на площадях рейха пылают книги. Отныне фюрер, провозглашенный совестью нации, дозволил все. Жалостливое авторское описание желудочных колик у шефа и утоление боли с помощью не безвредных таблеток ассоциируются с жуткими лабораториями Германии, в которых готовились чертежи костедробилок, газенвагенов и трупосжигательных печей. Вот ждут своего смертного часа дети Геббельса. Конечно, читатель иначе как варварством не назовет убийство своих детей маниакальными родителями. Но варварство имело куда более широкие масштабы. Разве об этом не свидетельствует вывоз ста тысяч наших ребятишек в трудовые лагеря Германии с целью «понизить биологический потенциал Остланда»?! А чего стоит провозглашение «уничтожения нежелательных элементов» в Латвии, Эстонии и Литве и предоставлении их «жизненных избытков» немецкому народу?! Уверен, что малозначащие авторские слова, характеризующие Гиммлера, заставят читателя вспомнить фразу этого гитлеровского сподвижника, произнесенную им в дни, когда Германия расправлялась с Украиной и Белоруссией: «В настоящую минуту меня совсем не

интересует, что происходит с русскими».

Как бы то ни было, но у каждого читателя при чтении книги появится свой ассоциативный ряд. Как следствие пережитого, переданного из уст в уста по наследству, вычитанного в книгах, документах, семейных дневниках. Направленная эмоциональность нашего чтения объясняется горечью потерь и утрат, понесенных страной и народом.

Воспоминания, если возвратиться к ним, будто бы рисуют нормального человека. Но читателю-то хорошо, доподлинно известно, что представленный портрет — всего лишь маска фанатика, политического авантюриста, безрассудного лидера нации, толкнувшего ее к неисчислимым бедствиям и трагедиям.

Да, он завоевал ее доверие, прикинувшись культуртрегером, народным защитником и избавителем нации от многих бед. Он произносил пылкие речи, хитрые слова, начиненные политическим динамитом, и этим вербовал себе сторонников и единомышленников. Довольно старый, но живучий прием!

Его, несомненно, следует вписать в человеческую память, дабы сохранить бдительность при новых посягательствах вооружиться этим приемом. Ненависть к фашизму, тоталитаризму и сегодня должна сохраниться в арсенале наших чувств. «Надо хорошо укрепить грунт, где будет начертано вечное проклятие фашизму» (Л. Леонов). Будем помнить, что фашизм живуч. Он существует в разных формах, открытых и скрытых. А это требует нашего активного противостояния. «Эта болезнь не из тех, которые излечиваются просто солнцем и свежим воздухом» (К. Симонов).

Предложенная читателю книга — предостережение от соблазна пойти на поводу у новой маски.

А.Н. Чирва

Гитлер принимает меня на службу

«Вас ждут 26 февраля 1932 г. в Берлине, в «Кайзерхофе»[1], в адъютантуре личной канцелярии», — гласило содержание адресованной мне телеграммы, которую я получил в канцелярии эссенского гаулейтера утром 25 февраля 1932 г.

Мой тогдашний шеф, гаулейтер Тербовен, был уже двое суток в Берлине на заседании рейхстага. Не он ли инициатор посылки этой телеграммы? Я ничего не знал и не представлял, какое значение будет иметь эта депеша в моей дальнейшей жизни. Я был молодым человеком, вся жизнь моя казалась мне открытой для будущего. Понятно, что, прочитав телеграмму, я не мог оставаться спокойным ни на одну минуту. Мне казалось, что длительная поездка на жесткой скамье в купе вагона 3-го класса скорого поезда никогда не кончится. Мои мысли лихорадочно менялись. Но я не знал за собой никакого проступка, поэтому телеграмма могла означать только благоприятный поворот в моей жизни.

Наконец поезд прибыл в Берлин, на вокзал Фридрихштрассе. Я поспешил сквозь сутолоку большого города на Вильгельмплац. Несколько минут я стоял перед отелем «Кайзерхоф» и любовался современным внушительным зданием. Затем я заставил себя войти через вращающуюся дверь в вестибюль.

Навстречу мне попадались дамы и мужчины, принадлежавшие, видимо, к самому благородному обществу. Я обратился к одному из многочисленных посыльных, находившихся в отеле. Он, видимо, был в курсе дела. Ничего не спрашивая, он повел меня по длинным коридорам, устланным толстыми, мягкими коврами, в комнату господина Брюкнера.

Адъютант Адольфа Гитлера коротко приветствовал меня и попросил подождать в холле. К моему удивлению, я застал там еще около 30 человек. Из короткого разговора выяснилось, что они также были вызваны телеграммами в отель «Кайзерхоф» из разных провинций Германии. Каждый из нас отмечал беспокойство других. Скоро стало ясно, что мы все занимаемся одинаковой деятельностью, а именно: возим известных партийных руководителей. Мы были в своей профессии в известном смысле выдающимися. Стало быть, речь шла о чрезвычайно важном поручении, раз мы вызваны сюда. Каждый из нас надеялся, что жребий падет на него и именно он будет выполнять ответственное поручение.

Наконец томительное ожидание кончилось.

«Господ ожидают в номере 135!»

Мы последовали за посыльным и вошли в помещение, где жил и работал Адольф Гитлер, находясь в Берлине. Без особых указаний выстроились мы по ранжиру полукругом. Как самый маленький, я стоял на левом фланге.

Видя вокруг себя такое большое количество более рослых коллег, я серьезно усомнился в своих шансах.

Нас по очереди вызывал Брюкнер к Гитлеру, который опрашивал нас и проверял наши знания. Наконец очередь дошла и до меня.

«Эрих Кемпка… отец — рурский горняк из Оберхаузена, двадцати одного года… шофер гаулейтера Тербовена…»

Это были мои первые ответы на вопросы Адольфа Гитлера. Затем быстро последовали другие вопросы:

«Какого типа машиной вы управляли до сих пор? Знаете ли вы восьмилитровую «мерседес» с двигателем, оснащенным принудительным нагнетателем смеси?.. Сколько лошадиных сил имеет этот мотор?.. Где вы учились на шофера?.. Как вы будете действовать на непросматриваемом, зигзагообразном повороте на скорости 80 километров в час, если навстречу идет машина?»

Вопросы задавались быстро, и я должен был реагировать на них молниеносно. Это было не так легко. От этого человека я не ожидал подобных технических знаний. Вопросы закончились, и я понял, что, видимо, хорошо выдержал экзамен. Удовлетворенный Гитлер подал мне руку.

Я был словно пьян. Одна только мысль о том, что я буду иметь честь возить по всему великому отечеству такого человека, который уже рассматривался всей Германией как наиболее выдающаяся фигура в политической жизни, приводила меня в восторг.

Всех нас наконец проэкзаменовали, и мы в состоянии крайнего напряжения ожидали, что же будет дальше. Но всех нас ждало разочарование. Гитлер обратился к нам с краткой речью. В своей темпераментной манере он сказал, какая ответственность возлагается на человека у руля. Он рад видеть перед собой сразу такое большое число людей, сознающих свою ответственность. Затем он покинул нас, коротко попрощавшись и так ничего и не сказав, зачем мы сюда были вызваны.

Его адъютант Брюкнер заявил нам, что, кроме господина Шрека, нужен еще один шофер для обслуживания лично Адольфа Гитлера. Человек, на которого падет выбор, своевременно об этом узнает. Каждый из нас, получив по 15 марок на путевые издержки, отправился домой.

Потянулись часы неизвестности. Бесцельно бродил я по Берлину до отхода поезда. Встреча с Адольфом Гитлером

произвела на меня сильное впечатление. Да, теперь, когда я услышал, о чем идет речь, мои надежды стали еще большими, а мои сомнения еще более тягостными. И я почувствовал облегчение, когда скорый поезд наконец отошел в Эссен.

Через несколько часов после прибытия я получил вторую телеграмму:

«1 марта 1932 г. вы должны явиться к Рудольфу Гессу в Коричневый дом в Мюнхене».

Теперь я знал, что мои желания и надежды сбылись. Я был избран для того, чтобы возить и сопровождать Адольфа Гитлера, человека, о котором говорила тогда вся Германия.

13 лет на службе у Адольфа Гитлера

Прибыв в Мюнхен и устав от путешествия, я медленно двинулся со своим багажом по глубокому снегу в направлении Бриннерштрассе. Я спросил, где тут Коричневый дом. Прохожий указал мне дорогу.

Я доложил о себе в канцелярии Рудольфа Гесса. Мне заявили, что меня ждут в фирме Даймлер-Бенц на Дахауэрштрассе. Такси доставило меня по указанному адресу, где я был принят господином Шреком, личным шофером и сопровождающим Адольфа Гитлера. Он по-товарищески приветствовал меня и тотчас же начал задавать мне вопросы об автомашинах.

Прежде всего он хотел знать, ездил ли я уже на шестилитровой машине «мерседес» с принудительным нагнетателем смеси. Я вынужден был сказать, что нет. Затем он прошел со мной и несколькими другими господами в гараж, где показал мне шести-восьмиместную открытую машину. Вид этой машины вызвал у меня восхищение. Я никогда еще не видел подобной машины. Шрек рассказал мне о технических данных огромного «мерседеса», показал мне мотор и все важные детали.

Так как я был мал для такой машины и чтобы я имел лучший обзор, сиденье было изменено: на него была положена специальная подушка. Я должен был сам вывести машину из гаража, после чего еще раз внимательно осмотрел ее и проверил состояние масла и воды.

Между тем группа людей, окружавших Шрека, увеличилась до 7 человек. Все они сели в машину; я занял место за рулем и впервые повел огромную машину в Берлин.

Здесь я снова был представлен Адольфу Гитлеру. На этот раз его разговор со мной носил личный характер. Он справлялся очень подробно о моем семейном положении, о моей жизни и моей прежней работе и хотел знать все до мельчайших деталей. За этот час я проникся к нему большим личным доверием, которое меня не покидало никогда за все долгие годы постоянного пребывания вместе с ним.

***

Началась борьба вокруг выборов президента.

Я водил машину для гостей. Каждый день мы преодолевали огромный путь. Мы точно ко времени прибывали в города и в населенные пункты, где Гитлер произносил речи. Как только

заканчивалось выступление, мы отправлялись дальше.

Я завидовал Шреку и был счастлив, когда мне выпадал случай занять его место. Даже после огромного напряжения Гитлер оставался бодрым и оживленно разговаривал с шофером. У него была привычка подкармливать шофера во время езды, чтобы он не заснул от утомления.

Разложив на коленях автомобильную карту, Гитлер сам намечал маршрут. Он рассчитывал время, чтобы прибыть точно в назначенный срок. Задача шофера состояла только в том, чтобы соблюдать правила осторожности и выдерживать график.

После нескольких предвыборных речей Гитлера в Северной Германии мы прибыли из Гамбурга в Берлин.

Здесь Шрек отравился чем-то и заболел. Герман Геринг, часто сопровождавший тогда Гитлера, должен был на следующий день сам вести машину. Под вечер мы прибыли в Штеттин. Прежде чем Гитлер вошел в отель, он поручил мне тщательно познакомиться с его личной машиной, чтобы сменить Германа Геринга, которого я в ту же ночь должен был отвезти в Ландсберг на Варте.

Наша автоколонна отправилась в путь около двух-трех часов ночи. Рано утром мы прибыли в замок Либенов, где нам был оказан сердечный прием. Гитлер извинился и тотчас же отправился отдыхать в отведенную для него комнату. А нас, личную охрану и нескольких гостей отлично угостили.

Здесь я хотел бы отметить, что Гитлер до 1932 г. никогда не принимал участия ни в одном большом банкете. И после прихода к власти он жил очень скромно и принципиально не употреблял никаких алкогольных напитков. В порядке исключения он позволял себе иногда выпить настойки в качестве средства от желудочной болезни — последствия отравления газами во время первой мировой войны.

Избирательная кампания подходила к концу.

Глубоко взволнованные пережитым, мы возвращались назад, в Мюнхен. Двенадцать тысяч километров лежали позади — такого пути за столь короткое время я никогда больше не покрывал.

По прибытии в Мюнхен выздоровевший Шрек сообщил мне, что эта избирательная кампания была моей испытательной поездкой — Гитлер сказал Шреку, что мои шоферские качества ему понравились. В мои новые обязанности входило возить Гитлера в Мюнхене и окрестностях. При больших путешествиях я должен был оставаться шофером машины для гостей.

В 1932 г. я исколесил сто двадцать тысяч километров. Днем и ночью ездили мы по всем провинциям Германии. Масса прекрасных впечатлений осталась у меня от этих поездок. Никогда я не чувствовал, что еду с шефом — скорее он был

старшим, отечески настроенным другом. О политических проблемах Адольф Г итлер со мной не говорил, но я мог прийти к нему с любой моей личной заботой и нуждой. Он все понимал и внимательно меня выслушивал. Всегда заботился о том, чтобы во время поездок нас, людей за рулем, хорошо размещали и снабжали всем необходимым. Он подчеркивал:

— Мои шоферы и мои летчики — мои лучшие друзья! Этим людям я доверяю свою жизнь.

Вновь началась избирательная кампания.

В течение 14 дней Гитлер должен был выступить около 50 раз.

Поездки вдоль и поперек Германии участились. Чтобы вовремя попасть на митинги, проводившиеся в отдаленных местах, впервые были использованы самолеты.

Постоянные автомобильные переезды требовали слишком большого напряжения. Юлиус Шрек не всегда мог его выдержать. Поэтому Германия была разделена на две части. Шрек взял на себя северо-запад, а я — остальную часть.

Так проходили годы.

И после того как Адольф Гитлер стал рейхсканцлером, в моем положении ничто не изменилось. Во всех поездках по Германии и за границей, в самолете, в поезде или на корабле я был при нем. Если я не вел автомашину, то оставался около него как его личный гость.

Утром 16 мая 1936 г. я был вызван на квартиру Адольфа Гитлера на Принцрегентплац в Мюнхене. Он выглядел опечаленным и возбужденным. В немногих словах он сообщил мне о внезапной смерти своего долголетнего преданного спутника Юлиуса Шрека.

Немедленно он назначил меня преемником Шрека. Одновременно я был назначен начальником автопарка фюрера и получил звание штурмбаннфюрера СС. Все права и обязанности моего предшественника были возложены на меня. Меня так же глубоко потрясла внезапная смерть Юлиуса Шрека. Он с первого дня встретил меня как сердечный товарищ, и я многим был обязан ему.

Я ничего не знал о его болезни, свалившей его во время поездки из Берлина в Мюнхен. Сразу же после прибытия в Мюнхен его отправили с тяжелым воспалением мозга в больницу, где он вскоре и умер. Волею судеб я был лишен возможности попрощаться с ним.

Для меня началось напряженное и ответственное время, особенно если учесть мою молодость. Я должен был находиться в постоянной готовности. Теперь у меня почти никогда не было

свободного времени. На меня возлагались все новые и новые обязанности.

Нужно было заказывать новые машины. Гаражи были слишком малы. В обязанности входило нанимать механиков и другой персонал. Ко всему этому прибавлялась канцелярская работа, которую я осиливал лишь после окончания работы глубокой ночью.

Адольф Гитлер оказывал мне большое личное доверие. Но он требовал, чтобы его приказания выполнялись точно и в срок.

Я был молод, и это доверие естественно особенно льстило моему честолюбию. Особую радость мне доставляло наблюдение за производством новых машин. Под моим надзором и в тесном сотрудничестве с заводами «Даймлер-Бенц» были созданы не только известные «фюрервагены», но и специальные машины для маневров, которые позднее были применены в горах и во время войны хорошо оправдали себя.

Однажды я предоставил горной охране Берхтесгадена по распоряжению Адольфа Гитлера опытную машину фирмы «Даймлер-Бенц» для участия в операциях по спасению в Вацманне двух альпинистов. Только с помощью этой машины стало возможно их спасение. Ввиду такого успеха было сделано еще несколько машин этого типа и передано горной охране.

Производство особых машин со специальным кузовом, предназначенных для подарков шефа руководителям иностранных государств, постоянно осуществлялось под моим наблюдением. Я часто должен был посещать завод и контролировать производство, чтобы проследить за выполнением всех особых указаний.

Редко мне хватало для этого дня. И я был вынужден работать ночами, чтобы не запускать другую работу. Гитлер постоянно требовал докладов о ходе производства машин. Он вообще интересовался всеми техническими новинками.

Однажды я предложил ему заказать для себя бронированную машину. Он решительно отклонил эту идею. Со стороны немецкого народа его жизни не угрожала никакая опасность! Иностранные государства также вряд ли могли организовать покушение. Он был убежден в том, что за границей знают, как он нужен для строительства Европы.

***

Война вспыхнула для меня неожиданно. Я, как начальник автопарка фюрера, совсем не был к этому готов.

Отныне днем и ночью я думал о бронированной автомашине. После того как Гитлер отклонил мое предложение, я приказал в 1939 г. под свою личную ответственность построить открытую бронированную автомашину, которая внешне ничем бы не отличалась от других машин Гитлера.

Из беседы с Мартином Борманом, который ведал финансированием автопарка, я выяснил, что он не будет платить за машину, так как ему было известно, что Гитлер считал эту затею ненужной.

Я вынужден был обратиться к друзьям, имеющим деньги.

В ноябре 1939 г. в пивной «Бюргербройкеллер» в Мюнхене на Гитлера было совершено покушение. Благодаря этому мне предоставился наконец случай сообщить моему шефу о существовании бронированной автомашины.

По пути от Ангальтского вокзала в Берлине к имперской канцелярии я уговорил Гитлера по крайней мере осмотреть новую машину. Прибыв в имперскую канцелярия, я тотчас же приказал подать ее к подъезду.

С большим удовлетворением рассматривал Гитлер автомашину, в то время как я подробно рассказывал ему о прочности брони. Стекла были сделаны многослойными, их толщина составляла 45 миллиметров; боковая броня состояла из 3,5–4-миллиметровых специально закаленных бронированных плит. Дно автомашины было защищено от мин и бомб посредством 9–11-миллиметровой брони. Безопасность машины была обеспечена против огнестрельного оружия, ручных гранат и взрывных снарядов, содержащих до 500 граммов динамита.

«В будущем я буду ездить только в этой машине, так как я не уверен, что не найдется еще один идиот, который бросит перед машиной бомбу», — с усмешкой сказал Гитлер Борману. Теперь уже господин Борман был вынужден задним числом оплатить мою машину.

Вскоре после этого я предпринял с Гитлером ночную поездку в «фольксвагене»[2] по Берлину без всякой охраны. Шеф любил подобные поездки, так как они давали ему возможность спокойно, без суеты дневного уличного движения наблюдать и проверять строительство Берлина.

В задачу этой книги воспоминаний не входит разбор политических вопросов. Но беседа, которую мы вели этой ночью, осталась для меня незабываемой. Когда мы остановились у строившегося «Дома для иностранцев» у Потсдамского моста, Гитлер сказал мне:

«Как печально, что началась эта война. Берлин и многие другие города рейха преобразовались бы за несколько лет».

Шеф был в восторге от моего нового бронированного автомобиля. Он сразу же поручил мне заказать еще несколько таких машин. Когда позднее мне была оказана честь лично вручить такие машины в качестве подарка главам различных государств, я воспринял это как признание моей заслуги.

Так в декабре 1941 г. я передал открытую бронированную машину типа «Даймлер-Бенц 150» маршалу Финляндии барону Маннергейму. Во время посещения Финляндии я воочию убедился в плохом продовольственном положении финского населения. После своего возвращения в главную ставку фюрера в Растенбурге (Восточная Пруссия) я обратил внимание рейхсканцлера на тяжелое продовольственное положение Финляндии. Он приказал передать финскому правительству 50 тысяч тонн зерна.

К семидесятипятилетию финского маршала я неожиданно получил поручение заказать три специальные военные машины. В короткий срок мне удалось получить желаемые машины от фирмы «Штейер». Машины были погружены в Штеттине и отправлены на транспортном судне в Финляндию. В день рождения маршала Маннергейма Гитлер прибыл на один из финских аэродромов. Я вывел эти автомашины, и Гитлер подарил их маршалу.

В январе 1942 г., когда маршал Антонеску тяжело болел гриппом, я прибыл с бронированным лимузином в Бухарест. Маршалу сообщили об этом через германское посольство. Несмотря на тяжелую болезнь, он на другой же день принял от меня этот подарок Гитлера.

Все до сих пор еще помнят частные посещения Германии болгарским королем Борисом. Я имел счастье не только лично познакомиться с ним, но и пользоваться его особым уважением. Он часто приглашал меня посетить его в Болгарии. К сожалению, мои служебные обязанности не оставляли мне времени, чтобы принять эти приглашения.

Я очень обрадовался, когда получил поручение лично передать бронированный автомобиль болгарскому королю.

Прибыв в Софию, я узнал в германской миссии, к моему величайшему ужасу, что король Борис внезапно тяжело заболел. Он возвратился из поездки в горы и, будучи сильно разгоряченным, принял холодный душ, а затем отправился на совещание. Уже во время заседания почувствовал себя плохо. На следующий день он не мог встать, а через несколько дней умер.

Я оставался в Софии еще неделю — до его погребения.

Месяцем позже я передал в Софии машину Гитлера брату короля, принцу-регенту Кириллу.

Я ушел бы слишком далеко от темы, если бы захотел перечислить всех глав государств и руководящих политических деятелей тех лет (ныне объявленных вне закона или осужденных), которым передал бронированные машины. К ним принадлежит Квислинг, а также глава правительства Югославии.

Ездит ли еще генерал Франко в той бронированной машине, которую я ему в свое время доставил?..

В Бергхофе

Когда на пасху в 1932 г. я впервые прибыл в Оберзальцберг, то подъем в гору был еще очень трудным. Снег не позволял на автомашине въехать на гору. Приходилось перекладывать багаж на сани и медленно плестись за ними вверх.

Только Геббельс из-за болезни ног ездил вверх на лошадях, но его жена с сыном Гаральдом поднимались пешком.

В то время дом «Вахенфельд» в Оберзальцберге еще не принадлежал моему шефу. Незадолго до моего прибытия он снял его у фрау Винтер. Дом ей подарил муж ко дню рождения, и назван он был ее девичьей фамилией.

«Вахенфельд» — небольшой дом, в нем могло разместиться немного людей. Когда к Гитлеру приезжало большое количество народу — знакомых и сотрудников, — они должны были останавливаться внизу в отеле или в пансионате «Платтерхоф».

Я всегда всей душой наслаждался жизнью в прекрасной местности Берхтесгадена. Это были дни отдыха.

Домашнее хозяйство велось сестрой моего шефа, фрау Раубаль. Она ценила хорошую кухню и умела делать жизнь приятной для нас.

Когда в 1933 г. книга «Майн кампф» начала издаваться все большими тиражами, появились средства, чтобы купить дом «Вахенфельд».

Гитлер сам набросал проект, по которому была сделана основательная перестройка. Дом «Вахенфельд» был превращен в «Бергхоф».

Оберзальцберг вдруг стал модным. Везде строили. От Гитлера не отставали и другие. Прежде всех понял ситуацию Мартин Борман.

Гитлер охотно оставался один и любил одиночество. Он приказал возвести вокруг имения забор. Когда Борман построил свой дом вблизи Бергхофа, он пытался уговорить моего шефа сломать этот забор.

Но он ничего не добился. Шеф заявил, что на том куске земли, который он оплатил своими собственными деньгами, он может поступать так, как ему нравится.

Осенью 1936 г. фрау Раубаль покинула Бергхоф и вскоре вышла замуж за профессора Гамитша. В конце войны профессор Гамитш, будучи офицером, погиб на фронте.

До начала войны экономками в Бергхофе были различные пожилые дамы. Но им тяжело было подниматься в гору, и они должны в большинстве случаев скоро покидать свою службу.

После начала войны обязанности хозяйки Бергхофа взяла на себя Ева Браун. Ей помогала молодая супружеская чета, следившая одновременно за порядком в доме.

До этого Ева Браун служила в фотофирме Генриха Гофмана в Мюнхене.

Когда одна из ее подруг со своими двумя детьми провела некоторое время в Оберзальцберге, после этого пошли слухи, будто Ева Браун имела от Гитлера двоих детей. Ева очень любила детей своей подруги. Она подолгу играла с детьми и часто фотографировалась вместе с ними.

Гитлер познакомился с Евой Браун у Генриха Гофмана задолго до того, как я поступил на службу к нему. Фирме Гофмана было поручено изготовление всех фотоснимков, касающихся Гитлера. Поэтому он был тесно связан с ней. Постепенно между Евой Браун и Гитлером установилась дружба, укрепившаяся, однако, лишь к осени 1936 г.

Если позволяла обстановка, мой шеф проводил в Оберзальцберге каждую субботу и воскресенье и, само собой разумеется, свой отпуск. Часто он совершал со своими гостями длительные прогулки в горы. Если бы его тогда спросили, какое место на земном шаре он считает своей родиной, ответ, несомненно, гласил бы: Оберзальцберг.

Популярность Оберзальцберга росла очень быстро. Ежедневно сюда приходили тысячи любопытных, чтобы осмотреть город.

Когда Гитлер стал рейхсканцлером, Бергхоф служил ему и для официальных приемов: короли и князья, министры и дипломаты были гостями в Бергхофе. Из иностранных гостей чаще всего сюда приезжал болгарский король Борис.

Охрана Оберзальцберга находилась в руках службы государственной безопасности, подчиненной непосредственно Генриху Гимлеру. В 1933 г. была создана специальная полицейская организация — РСД для личной охраны Гитлера, его министров и иностранных официальных посетителей. Эта организация выполняла чисто полицейские функции. Первыми ее служащими стали люди, до этого охранявшие бывшего баварского премьер-министра Гельда. Многие из них не состояли ни в СС, ни в нацистской партии. Некоторые из них, принадлежавшие до самого конца к непосредственному окружению Гитлера, так и не вступили в нацистскую партию.

В качестве охраны и почетного караула во время официальных приемов иностранных представителей постоянно находилась наготове рота войск СС. Она была расположена в казармах в Оберзальцберге и сменялась каждые полгода.

И после начала войны жизнь в Оберзальцберге была очень спокойной. Во время войны шеф очень редко туда ездил и находился почти исключительно в своей ставке. Только Ева Браун оставалась там до марта 1945 г., когда она покинула Бергхоф, чтобы вместе с Гитлером закончить свою жизнь в Берлине.

Профессор доктор Тео Морелль

Одним из самых своеобразных людей, окружавших Гитлера, был его персональный врач, профессор доктор Тео Морелль. Его личность всегда вызывала споры. Не могу не сказать об этом человеке. Не мне судить о его врачебном искусстве. Поскольку, однако, он, как личный врач шефа, бесспорно достиг известного успеха в лечении, его влияние было очень велико.

В 1938 г. фотограф Генрих Гофман тяжело заболел. Лечившие врачи уже признавали его безнадежным, но ему пришла мысль пригласить из Берлина Морелля. Вскоре наступило улучшение, и спустя несколько недель благодаря лечению доктора Морелля Генрих Гофман выздоровел.

Гитлер был привязан к Гофману и чувствовал себя обязанным отблагодарить Морелля. Он пригласил его к себе и с тех пор стал брать с собой в свои поездки.

Скоро среди сопровождающего персонала возникла известная антипатия к Мореллю. Нам всем не понравилось решение Гитлера взять его с собой во время предвыборной поездки после присоединения Австрии. Морелль в то время еще не занимал никакой должности.

Он портил всем нам жизнь своей неловкостью и медлительностью. Однажды он даже опоздал на машину, выделенную специально для него. Затем пожаловался Гитлеру, что темпы поездки для него слишком быстры.

Так как шеф в обращении со всеми был очень деликатен и постоянно заботился о том, чтобы каждый чувствовал себя хорошо, то именно из-за Морелля случались многие неприятности. Морелль не считался с нами и скоро стал самым нелюбимым человеком.

Одно собрание следовало в те годы за другим. Когда мы прибыли в Инсбрук, то там не оказалось зала, способного вместить устремившуюся со всей Штрии массу людей. Собрание провели в палатках. И после него люди не давали Адольфу Гитлеру покоя. Хотя вечер был туманный и сырой, мой шеф вынужден был снова и снова выходить из теплой комнаты на балкон. В тот же вечер стало ясно: сквозняк свое дело сделал — Гитлер простудился.

Сопровождавший нас врач, доктор Бранд, после основательного осмотра сказал:

— Мой фюрер, для вас избирательная кампания закончилась. Завтра вы совершенно охрипнете и не сможете произнести ни одного слова.

Шефа это чрезвычайно взволновало.

— Это невозможно. Я не могу в разгар избирательной кампании ехать домой. Невозможно, Бранд!

Морелль узнал о внезапном заболевании и явился к Гитлеру. Он попросил разрешения осмотреть горло и затем заявил:

— Если вы, мой фюрер, выполните мое предписание, то завтра будете здоровы.

Шеф должен был немедленно лечь в постель. Морелль сделал ему витаминное впрыскивание, а затем заставил его всю ночь делать ингаляцию при помощи аппарата, доставленного из аптеки. Кроме того, постоянно делались горячие масляные компрессы. На следующее утро простуда была ликвидирована, и вечером Гитлер снова мог говорить.

Возвратясь в Берлин, шеф предложил Мореллю поступить к нему на службу в качестве терапевта. Морелль согласился и передал частную практику в Берлине своему заместителю. Отныне он принадлежал к самому близкому окружению шефа и участвовал вместе с нами почти во всех поездках.

Без сомнения, как врач Морелль был приветлив и предупредителен. В любое время он был готов оказать помощь. Он не делал никаких исключений, и ему было совершенно безразлично, лечит ли он офицера или рядового.

Постепенно он приобрел большой круг друзей среди людей, занимавших средние и низшие должности. К людям, занимавшим более высокое положение, он не находил правильного подхода. Он считал, что он врач, и только врач. Поэтому не вступал с ними ни в какие светские отношения.

В отличие от нашего шефа Морелль очень любил покушать, и ему за столом всегда не хватало еды. Это давало повод к многочисленным шуткам, его часто высмеивали. Но Морелль не обращал на это внимания. Он только подтверждал, что главное для него — вкусно покушать. Еда действительно была для него единственной большой радостью в жизни. Он не курил, не пил и был невысокого мнения о женщинах.

Большого успеха Морелль добился в лечении витаминами. Он предписывал витаминные впрыскивания и витамины в таблетках. Почти все препараты изготовлялись в его собственной лаборатории в Гамбурге.

Часто он достигал поразительных результатов.

Карл Краузе, с июля 1934 г. до сентября 1939 г. — личный ординарец шефа, заболел двусторонним воспалением легких; это случилось приблизительно за 10 дней до намеченной поездки в Италию. И доктор Морелль взялся его лечить. Через 8 дней Краузе был вновь здоров и смог сопровождать нас в Италию.

Леди Митфорд, принадлежавшая к высшей английской аристократии, была приглашена Гитлером на музыкальный фестиваль в Байрейте, когда она приехала в Германию, чтобы изучить страну. Во время фестиваля она заболела двусторонним воспалением легких и плевритом. Узнав об этом, шеф тотчас же послал к ней доктора Морелля. И в этом случае пациентка через несколько дней выздоровела.

Когда я был интернирован, я часто встречал доктора Морелля в различных лагерях. Беседовал с ним по поводу причин его преследования. Пресса, радио и врачи выдвигали против него тяжелые обвинения.

Он был подавлен и все время заявлял, что никогда не давал Гитлеру излишне больших доз медикаментов, а старался лишь укрепить силы шефа посредством витаминных препаратов и глюкозы. А так как Гитлер питался однообразной пищей, то невозможно было избежать приема этих лекарств. И Гитлер это ценил.

На мой вопрос, как могли появиться слухи, что он, Морелль, по поручению одной иностранной державы систематически отравлял шефа в процессе лечения, Морелль рассказал мне об истинных обстоятельствах дела:

«Вследствие покушения 20 июля 1944 г. у шефа заболели уши. Поэтому к нему был приглашен ушной специалист, военный врач.

Консультации всегда проходили в спальне Гитлера. Однажды этот врач долго ждал в спальне, так как Гитлер был занят. Из любопытства он поинтересовался лежавшими на столе предметами. Среди них он заметил коробочку с надписью «Таблетки-антигаз». Внизу было написано, что надо принимать 3-4 таблетки ежедневно перед едой.

Известно, что эти таблетки содержат также и стрихнин. Кто дал Гитлеру это лекарство, я не знаю до сегодняшнего дня. Во всяком случае, он принимал их задолго до того, как я начал его лечить. Однажды я спросил его об этом, он ответил, что принимает их, но очень нерегулярно и только тогда, когда страдает от особенно тяжелых болей в желудке. Против этого я как личный врач ничего не мог возразить.

Ушной специалист взял несколько этих таблеток с собой и отдал исследовать в лабораторию. Само собой разумеется, что там должны были установить в их составе и стрихнин.

В это самое время ставку фюрера посетил профессор доктор Бранд, который после своего ухода с поста личного врача Гитлера работал имперским комиссаром здравоохранения.

Военный врач — ушник счел своим долгом

проинформировать профессора Бранда и обратить его внимание на найденные таблетки.

Профессор Бранд завидовал мне и поэтому находился со мной в напряженных отношениях. Он решил, что теперь нашел средство свергнуть меня. Тотчас же позвонил по телефону дежурному ординарцу Арндту.

— Скажите, Арндт, лежат ли в спальне фюрера «Таблетки-антигаз». Сколько он принимает их в день?

Арндт ответил:

— Бывает по-разному. Это зависит от того, испытывает ли он боли или нет.

Бранд не удовлетворился ответом.

— Черт бы вас побрал, я хочу знать, сколько таблеток в день он принимает!

Арндт испугался.

— Случается, что по 20 штук.

— Итак, 20 штук, Арндт!

Прежде чем ординарец смог дать дополнительные разъяснения, Бранд повесил трубку.

Так Бранд сделал ложный вывод. В действительности Гитлер никогда в нормальном состоянии не принимал таблеток — они были наготове только на случай желудочного расстройства.

После телефонного разговора доктор Бранд немедленно вызвал ушного специалиста и дежурного хирурга, доктора фон Гассельбаха. Не будучи терапевтами, эти господа считали, что при приеме 20 таблеток ежедневно в организм вводится столько-то единиц стрихнина. И они подсчитали, какое большое количество стрихнина должен был принять Гитлер со дня моего вступления в должность личного врача в 1938 г. Так как стрихнин, как известно, не выводится из организма, а отлагается в нем, эти три специалиста решили, что они могут доказать, будто я сознательно и систематически отравлял Гитлера, хотел сделать его ненормальным.

Бранд немедленно сообщил об этом «открытии» по телефону рейхсфюреру СС. Гимлер тотчас прибыл в ставку фюрера, чтобы лично произвести расследование.

В этот день у входа в столовую, куда я шел обедать, меня остановил доктор Бранд:

— Послушайте, Морелль, вы лечите фюрера уже несколько лет! Знаете ли вы вообще, чем он болен?

— Конечно, знаю, — ответил я. — Гитлер здоров, если не считать того, что у него иногда происходят болезненные вздутия живота. Кроме того, он страдает от недостатка витаминов, который я ему компенсирую, вводя в его организм витамины и

глюкозу. — Нет, господин Морелль, вы ошибаетесь! — резко ответил Бранд. — Вы в течение ряда лет своего печения систематически отравляли фюрера. Тщательное расследование установит, что случилось с фюрером.

Такого я не ожидал. Глубоко потрясенный и подавленный, я поспешил к Гитлеру и рассказал ему о происшедшем. Шеф успокоил меня и сказал, что он будет принимать то лекарство, какое захочет.

Когда я уходил из бункера фюрера, мне встретился Гиммлер. Полный злобы, он прошипел:

— Слушайте, если вы думаете, что вам удастся отравить фюрера, то вы глубоко заблуждаетесь! Поймите раз и навсегда: я прикажу немедленно повесить вас!

Я подумал, что наступил мой последний час. Но в этот момент подошел Гитлер, видимо слышавший слова Гиммлера, и сказал ему, что я единственный врач, который хорошо его лечит.

— А что касается таблеток, — добавил Гитлер, — то это мое личное дело. И вы, Гиммлер, не вмешивайтесь в дела, которые вас не касаются.

К тому времени уши шефа были излечены и ушной врач должен был покинуть ставку фюрера. Дежурный хирург, доктор фон Гассельбах, был отправлен на фронт. Профессор доктор Бранд получил от Гитлера распоряжение приезжать в ставку только тогда, когда прикажут».

Этот разговор с Мореллем остался у меня в памяти почти дословно. И я передаю его так, как помню.

Мартин Борман

Самой ненавистной и диктаторской личностью в ближайшем окружении Адольфа Гитлера был рейхслейтер Мартин Борман.

Внешне и тогда, когда ему это было нужно, он со своими кошачьими манерами казался олицетворением чрезмерного дружелюбия. Однако на самом деле он был предельно жесток. Его беспощадность была безграничной. Единственной его положительной чертой была, бесспорно, чудовищная работоспособность, которая, казалось, также не имела границ.

Нельзя говорить о гибели империи и смерти Гитлера, не сказав об этом человеке, наводившем на всех страх.

Я познакомился с Мартином Борманом в 1932 г. в Мюнхене. Тогда он был ничем не примечательным человеком. Занимал должность руководителя снабжения управления охраны. Он обладал феноменальной способностью создавать о себе у равных по положению людей впечатление хорошего товарища. У начальников быстро становился любимцем.

Надо признать, что уже тогда он почти без отдыха работал днем и ночью и получил славу рабочей лошади. Именно поэтому Рудольф Гесс, создавая свое бюро связи партии с государством, взял Бормана к себе.

Вскоре Борман стал руководителем штаба Гесса. Его первая цель была достигнута, он попал в первые ряды. При этом он оставался всегда любезным и был готов услужить как равным себе по положению, так и вышестоящим.

Но уже в 1936 г. все пошло по-другому. После того как дом «Вахенфельд» на горе Оберзальцберг был перестроен в Бергхоф, Борман в корне изменил свое прежнее скромное поведение.

Само собой разумеется, он также должен был иметь дом в Оберзальцберге, чтобы держаться вблизи Гитлера, с которым тогда по службе имел мало дел. Он наносил в Бергхоф визиты в качестве немого свидетеля при докладах Гесса Гитлеру.

Но вскоре Борман начал систематически скупать участки земли на Оберзальцберге. При этом заверял, что делает это по поручению Рудольфа Гесса, чтобы создать Адольфу Гитлеру обстановку абсолютного покоя и прекрасного отдыха.

Для осуществления своих строительных планов Борман основал акционерное общество. Он покупал у крестьян один участок земли за другим. При этом ему не надо было прибегать к насилию. Скоро пошли слухи о том, что он платит цену в четырепять раз выше подлинной.

Разумеется, такая спекуляция землей не могла остаться

незамеченной шефом. Гитлер позаботился о том, чтобы по отношению к крестьянам не проявлялась несправедливость, чтобы чересчур рьяный Борман не заставил их путем насилия покидать свои дома и дворы. Поэтому Гитлер приказал своей адъютантуре строго предупредить Бормана, что если он узнает о какомпибо насилии с его стороны, то запретит скупать землю.

Борман в ответ сообщил, что повода для беспокойства нет. Напротив, крестьяне сами бегают за ним, чтобы избавиться от своих участков. Гитлер удовлетворился ответом, а Борман уже не видел препятствий и начал лихорадочно скупать земельные участки. Ему удалось получить в свои руки весь Оберзальцберг, так что в конце концов, не считая его самого, Гитлер остался чуть не единственным землевладельцем.

Казалось, пришло время оплести Гитлера еще более густой сетью.

В Бергхофе был тогда заведен порядок, согласно которому дежурный адъютант сам определял лиц из числа руководящих деятелей партии, государства и армии, приглашенных к Гитлеру на обед.

Однажды Мартин Борман связался с адъютантом и попросил узнать у фюрера, можно ли ему, Борману, тоже прийти на обед.

Конечно, Борман получил разрешение. Незадолго до обеда он снова позвонил дежурному адъютанту и попросил передать, что он, к сожалению, должен извиниться, так как не сможет прийти, ибо завален работой.

Это повторялось несколько раз. Когда наконец он пришел на обед — то опять с опозданием. Он воспользовался случаем, чтобы извиниться перед шефом, настойчиво подчеркивая, что он настолько перегружен работой, что, к сожалению, не смог прийти вовремя.

Подобные трюки он повторял постоянно, так что у Гитлера медленно, но верно складывалось впечатление, что Мартин Борман является самым трудолюбивым человеком из всего партийного руководства.

Добившись такого доверия шефа, Борман получил в свои руки управление Бергхофом. Вновь Мартин Борман добился своей роли и занял еще один важный пост, находясь на котором он мог вредить многим другим.

С расширением своей власти Борман все меньше заботился о своих отношениях с подчиненными. Он начал чувствовать себя уверенно. Для подчиненных он стал начальником, от которого можно ожидать чего угодно. Он мог обращаться с человеком очень дружелюбно и предупредительно и даже делать подарки, а потом безжалостно унизить его, оскорбить и обидеть. Часто он

так расходился, что невольно создавалось впечатление, будто перед вами сумасшедший.

Когда под его власть попал весь персонал, он получил право нанимать и увольнять кого хотел. Горе подчиненному, который у Мартина Бормана попал в немилость! Он преследовал его со всей своей ненавистью.

Совсем иначе он относился к людям, о которых знал, что им симпатизирует шеф, и которые не стояли на его, Мартина Бормана, пути. Его дружелюбие по отношению к таким людям не знало границ, и он был безмерно любезен, стремясь расположить к себе шефа.

Его величайшей страстью было строительство. Излюбленный метод — изображать из себя страстного поклонника того, чем увлекался, как он знал, сам шеф.

Так, он начал перестраивать в Оберзальцберге некоторые дома. Те, которые были пригодны для перестройки. Он делал из них гостиницы и маленькие виллы. При этом ему представлялась чудесная возможность обсуждать с Гитлером планы строительства и таким образом все сильнее привязывать его к себе.

Шеф особенно любил домик Дитрих-Экхарта в Платтерхофе, так как с ним у Гитлера было связано много воспоминаний. Мартин Борман приказал снести все здания, кроме домика Дитрих-Экхарта, и вокруг него построил новый Платтерхоф.

Все это очень нравилось Гитлеру.

При этом надо сказать, что Борман выполнял все поручения шефа абсолютно точно и весьма быстро.

Однажды Борману пришла мысль построить для «своего фюрера» нечто поразительное. Это было совершенно бессмысленное здание, на постройку которого ухлопали бешеные деньги. На самой вершине скалы высотой свыше 1800 метров он приказал построить чайный домик. Он провел к горе автомобильное шоссе, которое кончалось примерно в 100 метрах от вершины. Затем Борман соорудил лифт, на котором можно было подняться к чайному домику.

Гитлер вначале не оценил эту затею Бормана. Но позже ему понравились прогулки к чайному домику, которые он совершал со своими гостями.

Когда осенью 1940 г. у шефа в гостях была итальянская кронпринцесса, сестра бильгийского короля, она была принята в чайном домике. Устройство приема было поручено интенданту Ганненбергу, специально вызванному из Берлина. Он должен был обеспечить безупречность приема.

Случилось так, что чай подали слишком горячим. Кронпринцесса обожгла себе рот. Это было очень неприятно

Гитлеру. Он все время, пока продолжался прием, приносил извинения. Хотя знатная гостья отвечала шутками, Гитлер после ее отъезда сильно разгневался. Ганненберг свалил вину на старшего адъютанта Брюкнера, так как тот отказался дать ему в подчинение ординарцев. Чтобы исключить возможность повторения подобных происшествий, Гитлер поручил расследование этого случая Мартину Борману.

Для Бормана это было как нельзя кстати.

Он давно хотел удалить Брюкнера из окружения шефа. В течение ряда лет он собирал против него материал, но этот материал не имел сколько-нибудь серьезного характера. Теперь он увидел, что для выполнения задуманных планов благоприятный момент наступил. Борман доказывал, что Брюкнер стал слишком стар, чтобы занимать пост, требующий постоянного напряжения. Он советовал фюреру отпустить Брюкнера на пенсию, говоря, что тот охотно примет такое предложение, если это будет почетная отставка. Обязанности старшего адъютанта гораздо лучше мог бы выполнять более молодой человек.

Когда он предложил Гитлеру ознакомиться с дополнительными материалами о непригодности Брюкнера, шеф отказался их рассматривать. Однако Гитлер все-таки позволил убедить себя в необходимости дать Брюкнеру отставку, полагая, что ему все же лучше уйти на покой. Он сердечно распрощался с ним.

После этого Борман занялся основательной чисткой состава личных адъютантов. Он удалил всех неприятных ему сотрудников, даже если они хорошо работали и были надежными и дельными. На их место пришли другие люди, на которых Борман целиком мог положиться.

После ухода Брюкнера обязанности старшего адъютанта и руководителя личной адъютантуры официально были возложены на господина Шауба. В действительности же Шауб не играл никакой роли. Борман стал движущей силой во всех делах. Теперь он держал все ключи в руках и мог продолжать плести интриги против всех неугодных ему лиц.

Стремясь во что бы то ни стало добиться влияния на Гитлера, Борман не останавливался ни перед чем, чтобы удалить людей, которые не повиновались ему слепо. Если он не мог изобличить этих людей в каких-либо проступках, а сами они добровольно не покидали места, несмотря на его угрозы, то он инсценировал «дело», в чем ему охотно помогал его «друг» Генрих Гиммлер.

Между этими двумя людьми существовали весьма странные отношения. Внешне они казались лучшими друзьями. При встрече

они осыпали друг друга любезностями. Так, например, здороваясь, они не ограничивались простым рукопожатием, а демонстративно трясли друг другу обе руки. На самом же деле каждый из них был полон взаимной ненависти и между ними постоянно шла борьба за меру влияния на Гитлера. Каждый старался расширить собственную власть.

Мои личные отношения с Мартином Борманом были с самого момента его возвышения и до конца империи очень напряженными.

Он все время пытался что-либо предпринять против меня, но неизменно получал отпор Гитлера, так как я пользовался доверием шефа. Кроме того, я при моем постоянном личном контакте с Гитлером всегда имел возможность опровергнуть обвинения, выдвинутые Борманом против меня. Борман знал, что я невысокого мнения о нем.

Особенно обрадовался Борман, когда в 1941 г. мы получили в Бергхофе известие о полете Рудольфа Гесса в Англию. Адъютант Гесса передал шефу письмо, в котором Гесс сообщал о своем полете в Англию и обосновывал его необходимость. Гесс хотел попытаться найти почву для переговоров с англичанами, чтобы затем заключить сепаратный мир.

Гесс, знавший о проанглийской позиции Гитлера, полагал, что он окажет немецкому народу великую услугу и предохранит Германию и весь мир от несчастья. Сам Гитлер, несмотря на свои взгляды, не мог установить личного контакта с Англией. Он считал, что и попытки Гесса будут напрасны. Несомненно, Гитлер не был осведомлен о намерении своего заместителя.

Полет в Англию чрезвычайно поразил всех нас. Шеф немедленно сделал известное заявление о том, что Гесс одержим навязчивой идеей. Адъютант думал, что он принес хорошее известие. Тем неожиданнее оказался для него внезапный арест.

Немедленно был отдан приказ об аресте всех без исключения сотрудников личного штаба Гесса, как соучастников случившегося. Позднее на допросах было установлено, что Гесс предпринял свой полет в Англию по совету астрологов.

Шеф очень редко вспоминал в разговорах о поступке своего бывшего заместителя. Если кто-либо вспоминал о нем, то он тут же энергично заявлял, что свой полет Гесс предпринял из идейных побуждений и с самыми лучшими намерениями. Не могло быть и речи о какой-либо измене.

Преемником Рудольфа Гесса стал Мартин Борман. Хорошо зная все дела его штаба, Борман превратился в советника шефа по всем вопросам, которыми раньше занимался Гесс. Прежние наименования — «Бюро заместителя фюрера», «Штаб связи» —

были немедленно упразднены. Появилась «партийная канцелярия.

Здесь Борман также начал с обычной для него чистки аппарата. Теперь он руководил учреждением, позволявшим вмешиваться в дела государства и партии, расширявшим его власть. Он считал своей первой задачей вытравить все, что напоминало об имени Гесса. Он приказал удалить все портреты Гесса и запретил всякое обсуждение полета в Англию. Немедленно были конфискованы и пущены под нож книги и официальные издания партии, в которых имелись изображения Гесса. Даже школьные учебники, в которых был упомянут заместитель фюрера, были собраны и уничтожены.

Маниакальная ненависть Бормана к Гессу зашла так далеко, что он немедленно переменил имя своего сына, крестным отцом которого был Гесс и который поэтому был назван Рудольфом. Он избрал другого крестного.

Борман был тираном и в собственной семье. Хотя это и мелочь в сравнении с большими событиями того времени, мне хотелось бы привести один пример из личной жизни Бормана, свидетельствующий о его характере.

Приблизительно в мае 1944 г. женился группенфюрер Фегелейн. Свадьба была отпразднована в доме Бормана в Оберзальцберге. Около 2 часов ночи Борман внезапно задумал надеть смокинг. Он попросил принести рубашку для смокинга, которую он недавно надевал. Его жена ответила, что эта рубашка в стирке. Борман пришел в бешенство и заорал, что жене следовало бы знать, что он надевает к смокингу только эту рубашку и никакую другую. В качестве наказания его жена должна была вместе с детьми тут же ночью покинуть Оберзальцберг и отправиться в Мюнхен. Он заявил, что возвратиться назад она сможет только после его разрешения. Лишь через пять недель Борман счел, что жена достаточно наказана, и вернул ее в дом на горе.

Выступить против Бормана не осмеливался никто. Даже рейхслейтеры и гаулейтеры боялись его. Его тесть, рейхслейтер Вальтер Бух, поспешно садился в машину и покидал Оберзальцберг, когда узнавал, что туда едет его зять Борман.

Когда Гитлер расспрашивал рейхслейтеров и гаулейтеров о настроениях и положении в их областях, то они докладывали или только одно хорошее, или ровно столько плохого, сколько им перед этим приказал Борман. И то, что они докладывали, Гитлер, естественно, сам узнавал раньше от Бормана.

По возможности Борман не допускал личного контакта с Гитлером тех людей, которые не были ему, Борману, абсолютно

преданы. Каждый даже министр, если он хотел посетить Гитлера, должен был получить разрешение у Бормана. Неугодным ему людям он попросту отказывал в приеме с помощью весьма недвусмысленных доводов. Если же он не мог помешать приему какого-либо лица, то он обязательно присутствовал при беседе и старался направить ее в желаемое русло.

Министр хозяйства Функ как-то сказал мне буквально следующее: «Ты не можешь себе представить, Эрих, как бесконечно тяжело теперь толком поговорить с фюрером. Все время Борман сует свой нос. Он вмешивается в разговор, прерывает меня, делает невозможным серьезный доклад!»

Постороннему человеку трудно даже теперь представить себе, как Борман умел подстраиваться. Гитлер был вегетарианцем, Борман также стал вегетарианцем. Он хвастливо рассказывал всем, как хорошо себя чувствует, став вегетарианцем, и насколько увеличилась его работоспособность. Однако если он был уверен, что за ним не наблюдают, то ел котлеты и бифштекс и не пренебрегал хорошей копченой колбасой. Никто не осмеливался рассказать об этом шефу.

Гитлер не курил, и Борман тоже бросил курить. Справедливость требует отметить, что это было для него очень тяжелым делом.

Гитлер интересовался литературой. Это было хорошо известно Борману. Он организовал в своем штабе особую группу, возложив на нее задачу доставать все литературные новинки. Кроме того, требовалось, чтобы содержание каждой книги было точно изложено на одной машинописной страничке. Именно так Борман получал о книге представление.

Был ли Борман вечером в гостях у шефа или же сидел за общим обеденным столом — он никогда не упускал случая похвастаться своими литературными познаниями. Дело происходило примерно так: «Мой фюрер, появилась новая книга об Ульрихе фон Гуттене. Я в восторге от нее. Вы обязательно должны ее прочесть». Гитлер, естественно, думал, что Борман действительно читал книгу. Он удивлялся, откуда этот человек при его огромной загрузке находил еще время так много читать. Все это, естественно, вело к тому, что у Гитлера укреплялось впечатление, будто в лице Бормана он имеет у себя на службе гения-универсала.

Только к Еве Браун Борман питал известное уважение. Она была для него неизвестной величиной. Открытая борьба против нее была невозможна. Но и для нее Борман — и в этом он оставался верен себе — создавал столько трудностей, сколько только было возможно.

Многие и теперь не могут понять, как Гитлер оказался под сильным влиянием этого человека и почему предоставил ему такую большую власть в государстве. Задним числом, разумеется, осуждают его. Все мы, непосредственно соприкасавшиеся в течение долгих лет с этой дьявольской личностью, ненавидели Бормана. Несмотря на это, справедливость требует признать, что Мартин Борман был гением в работе, каких редко можно встретить. Путем упорного труда он мог понять совершенно новую для себя проблему. Он обладал способностью приспособляться и в то же время каждую работу выполнял чрезвычайно основательно.

Ему удалось стать просто незаменимым человеком в глазах бесспорно впечатлительного Гитлера. Если шеф отдавал Борману приказ, то он знал, что Борман, может быть, единственный из всех его сотрудников, который, безусловно, выполнит его при любых обстоятельствах и в самый короткий срок.

Вот еще один маленький пример того, как Борман умел привести шефа в восхищение.

Однажды летом 1938 г. после полудня мы стояли, готовые к отъезду, перед Бергхофом. Окинув взором горный ландшафт, Гитлер заметил Борману, что этот вид своей удивительной широтой всегда доставляет ему особое удовольствие. Плохо только, что ниже Бергхофа этот красивый вид портит старый крестьянский двор! Когда старики-крестьяне, обладающие законным правом жить здесь до конца своих дней, умрут, нужно будет двор снести.

Когда на следующий день, спустя 24 часа, мы возвратились из Мюнхена в Бергхоф, шеф и я не поверили своим глазам. Там, где вчера еще стоял маленький старый крестьянский домик, теперь расстилался луг, на котором паслись пестрые коровы.

Что же произошло?

Едва мы уехали, Борман сразу же договорился со старыми крестьянами о их добровольном отъезде. Он предоставил им в Ау новое жилище, и старики, говорят, были даже счастливы доставить радость Гитлеру. Не успели они уехать, как к дому доставили на автомашинах сотни рабочих. Борман приказал работать и днем и ночью. Через 24 часа все было готово.

Еще один пример, показывающий, как Борман старался угодить Гитлеру.

Известно, что, когда шеф бывал в Оберзальцберге, тысячи людей отправлялись к Бергхофу, чтобы увидеть его. Он часто часами стоял на открытом воздухе, и люди шли мимо него. Однажды вечером после очень жаркого летнего дня Гитлер заметил Борману, что все это для него утомительно. Прежде

всего, он не мог так долго переносить солнечную жару.

Когда Гитлер на следующий день вышел в обычный час из Бергхофа, чтобы приветствовать ожидающих, он онемел от удивления. На том самом месте, где он обычно любил стоять, росло большое толстое дерево с огромным зеленым шатром ветвей, создавшим густую тень. Борман приказал привезти его ночью и посадить здесь. Большое дерево прижилось и до сих пор растет там. Когда Гитлер уезжал, по распоряжению Бормана пускалась в ход огромная дождевальная установка, и дерево поливали до тех пор, пока его корни не вросли в новую почву.

Можно ли упрекать Гитлера за то, что это ему импонировало?

Мартин Борман мертв.

Его влияние на шефа — пожалуй, самая мрачная глава в истории империи. Если говорить о смерти Гитлера, нельзя не упомянуть Мартина Бормана. На него падает большая часть вины за то развитие событий, которое привело к трагическому концу в имперской канцелярии в Берлине 30 апреля 1945 г.

Под знаком тревоги

Адольф Гитлер одерживал одну внешнеполитическую победу за другой. Саар, Австрия и Судетская область уже были присоединены к империи. Шеф был в приподнятом настроении и чувствовал себя сильнее и увереннее, чем когда-либо прежде.

Утром 15 марта 1939 г. я получил приказ немедленно направить в Дрезден колонну автомашин и все время поддерживать с ней связь.

В Берлине ожидали чешского президента — доктора Гаха. В дипломатическом лимузине я привез его с Ангальтского вокзала. Едва мы въехали во двор новой имперской канцелярии, зазвучал чешский национальный гимн. Президент Гаха прошел перед фронтом почетного караула из частей лейбштандарта и в портале имперской канцелярии был встречен Гитлером.

Переговоры затянулись до утра 16 марта. Я слышал, что доктор Гаха из-за неслыханного напряжения во время переговоров упал в обморок. Был вызван доктор Морелль, чтобы впрыснуть ему глюкозу и витамины. Рано утром 16 марта первые договоры были подписаны. Один из моих шоферов отвез Гаха на вокзал, так как тот возвращался в Прагу.

Между тем я приказал своей автоколонне, состоявшей из десяти легковых и четырех грузовых машин, направиться к одному из пунктов на саксонско-чешской границе.

В 6.30 утра Адольф Гитлер вместе со своим штабом выехал из Берлина в экстренном поезде. Когда мы прибыли на чешскую границу, то увидели, что автоколонна нас уже ожидает. Шел сильный снег.

Как всегда, я занял свое место за рулем машины фюрера. Адольф Гитлер сел рядом со мной. Мы ехали впереди, за нами следовали остальные машины.

Таможенные чиновники по обе стороны границы, видимо, уже получили указание пропустить нас. Не было ни малейшей попытки задержать нас — пограничные шлагбаумы были открыты сразу же.

Снег шел все сильнее. Медленно двигались мы по территории Чехословакии. Было скользко, и один из наших грузовиков свалился в кювет. Его груз тотчас же перенесли на другие машины. Мы не могли задерживаться. Машина осталась в кювете.

В 4 часа дня мы въехали в Прагу. Жизнь в этом славном древнем городе шла своим чередом. Мы проехали по улицам, почти не обратив на себя внимания. Снежная буря продолжалась.

Мы направились непосредственно в Градчин — резиденцию

чешского правительства. О нашем приезде никому еще не сообщили. Никто не замечал нас.

Мы разместились в боковом флигеле замка. К нам прибыла рота саперного батальона войск СС. Остаток батальона застрял в пути из-за сильного снегопада, испортившего дорогу.

Около 5 часов дня в замок приехал возвратившийся из Берлина поездом президент Гаха. К своему величайшему удивлению, он узнал, что в замке его ожидает шеф. Такая быстрота действий казалась Гаха просто немыслимой.

Тотчас же возобновились переговоры; были составлены и подписаны новые соглашения. На следующий день в Градчин явились члены чешского правительства и несколько генералов чешской армии. Они были приняты и представлены Адольфу Гитлеру.

До этого момента Прага была «оккупирована» одним шефом и сопровождающими его лицами, а также частью саперного батальона СС, численностью не больше роты. Батальон состоял из военнослужащих учебного батальона в Дрездене. Они были плохо вооружены. Чтобы несколько усилить их вооружение, им была передана половина автоматов из арсенала охраны Гитлера.

Когда я вспоминаю об этом теперь, то должен сказать, что чешскому правительству и его генералам ничего не стоило арестовать шефа и всех нас. У нас не было тяжелого оружия, и мы могли быть захвачены в одно мгновение.

17 марта после обеда мы покинули Прагу. Только на обратном пути мы встретили первые немецкие части, предназначенные для захвата чешской столицы. Мы доехали до пункта, откуда начали свою поездку, а оттуда направились поездом в Вену, где Гитлера уже ждали.

Как и всякий человек, мой шеф, несомненно, имел свои недостатки.

Но когда я слышу в его адрес упреки в недостатке мужества, то думаю, что это несправедливо. Напротив, его окружение во главе с Мартином Борманом и весь генералитет часто упрекали его за неразумную смелость и за то, что он забывает о своем долге как руководителя государства.

Я сам возил Адольфа Гитлера на фронте (во время польского похода почти каждый день).

Я никогда не забуду полет на фронт, в Запорожье на Днепре. Это было зимой 1942-1943 гг., когда русские прилагали неимоверные усилия, чтобы вернуть Донецкий угольный бассейн. Огромная электростанция в Запорожье была главной целью наступления.

Мы приземлились в западном аэропорту Запорожья, когда

передовые отряды русских танков уже достигли восточного аэропорта. Напрасно генералитет уговаривал Гитлера немедленно улететь. Он хотел лично ознакомиться с положением на месте. Лишь после того, как русские атаковали наш аэропорт, а Гитлер счел, что за четыре дня он достаточно ознакомился с положением и принял все необходимые меры, он дал приказ об отлете.

Из Запорожья мы полетели в Винницу, где находилась летняя ставка Восточного фронта, чтобы оттуда снова лететь на участки фронта, находившиеся под угрозой.

Я далек от того, чтобы прославлять Адольфа Гитлера. Но когда бывшие видные деятели считают себя вправе заявлять в своих так называемых воспоминаниях, что Адольф Гитлер всегда старался избегать поездок на фронт, чтобы не рисковать жизнью, то они говорят неправду.

Когда генералы настойчиво твердили ему, что руководству военными действиями будет нанесен ущерб, если он надолго покинет ставку, то он соглашался с этим. Но едва только на каком-либо фронте возникала опасность, устранить которую, по его мнению, мог только он один, он уже не поддавался никаким уговорам и делал по-своему.

В задачу моей книги не входит выяснение личного воздействия Адольфа Гитлера на ход войны. Я не компетентен в этом вопросе. Отделить небылицы от правды — это задача будущих историков.

Я все время, если не считать немногочисленных служебных поездок за границу и по Германии, находился рядом с Гитлером в главной ставке. Жизнь в ней была простой и скромной, дни были заполнены работой.

Гитлер всегда настаивал на том, чтобы каждый сотрудник штаба время от времени откомандировывался в действующие части для так называемого испытания на фронте. В этом отношении я был одним из немногих исключений, так как все мои просьбы об отправке на фронт неизменно отклонялись. Гитлер каждый раз заявлял мне, что он не может отпустить меня даже на время.

Решающее влияние на руководство военными действиями оказывали, бесспорно, Кейтель и Йодль, а также генералы, занимавшие в то или иное время пост начальника генерального штаба сухопутных войск.

Как ни велико было личное влияние Мартина Бормана на Гитлера, все же до января 1945 г. его даже не приглашали участвовать в ежедневном обсуждении положения на фронтах. Даже Гиммлер вначале не имел права принимать участие в этих

совещаниях; ему разрешили это только позднее.

Когда Адольф Гитлер перебрался в бункер в Берлине и война вступила в свою последнюю фазу, Мартин Борман достиг своей последней цели — он почти всегда принимал участие в обсуждении положения на фронтах и, несомненно пользуясь своим влиянием на Гитлера, был в числе тех, кто убеждал его сражаться до последнего человека.

В бункере фюрера в Берлине

Похоронив своего отца в Оберхаузене, я возвратился, глубоко потрясенный, в главную ставку Гитлера в Цигенберге, у Банд-Наугейма.

Теперь все выглядело по-иному. Тревога и заботы легли тяжелым бременем на наши плечи. Для Германии наступили тяжелые времена. Потери на фронтах с каждым днем все возрастали. Под ударами неприятеля наши войска отступали все дальше. Контрнаступление наших последних отборных дивизий у Мальмеди не принесло ожидаемого успеха. На всех фронтах противник встречал теперь лишь незначительное сопротивление. Массированные налеты английской и американской авиации разрушали наше отечество. Ночью и днем, почти беспрерывно, волна за волной налетали вражеские самолеты на наши города, убивая наших женщин и детей. Военная промышленность сильно пострадала, снабжение войск оружием и амуницией было поставлено под угрозу.

Мы глубоко переживали создавшееся положение. Когда я приехал в Цигенберг, меня словно оглушили: «Главная ставка фюрера перенесена в Берлин!» Я невольно задумался о причинах этой меры.

До сих пор при обсуждении вопроса о последней решающей битве за Германию подразумевалось, что Адольф Гитлер будет вести ее в Южной Германии, поскольку там были проведены соответствующие приготовления. Тем более я был поражен, узнав, что на заключительной фазе войны руководство военными действиями будет осуществляться из Берлина.

В главной ставке в Цигенберге я еще застал нескольких штабных офицеров и остатки штабных подразделений. По телетайпу передавались последние приказы; приезжали и уезжали курьеры; грузовики, нагруженные архивами и другими материалами, отъезжали в Берлин.

Я узнал, что Адольф Гитлер вместе со своим личным штабом покинул в экстренном поезде Фридборг в Обергессене и направился в столицу только поздно вечером.

Еще измученный переживаниями последних дней, я на самой большой скорости ночью погнал свою машину в Берлин. Дежурный персонал автопарка имперской канцелярии был уведомлен по телетайпу о предстоящем прибытии фюрера, и по приезде я нашел машины уже в полной готовности.

Ровно в 6 часов, едва только поезд фюрера подошел к перрону вокзала Берлин — Грюневальд, я со своей автоколонной

был уже у вокзала.

Хотя я и сам чувствовал себя уставшим до предела, но вид Адольфа Гитлера глубоко потряс меня.

Его вид говорил о том, как он устал от поездки. Специальный поезд был оборудован всеми новейшими средствами связи, так что даже во время длительной поездки Гитлер непрерывно получал самые последние сведения и мог передавать свои приказы в любые инстанции.

Когда я вез его в тот день с вокзала, никто, конечно, не думал, что это была последняя в его жизни поездка в поезде.

Прежде чем Адольф Гитлер удалился на отдых, его ординарец позвал меня к нему. Меня тронуло, что он, несмотря на свои собственные, гораздо более серьезные заботы, начал подробно расспрашивать об обстоятельствах внезапной смерти моего отца. Он выслушал все подробности, потом протянул мне обе руки и сказал, что разделяет мое горе. В тот раз я впервые заметил, что война не прошла для него бесследно и что он стал стариком.

В имперской канцелярии шла кипучая жизнь. Никто не был подготовлен к нашему прибытию. Решение Гитлера было принято внезапно и против воли Бормана и его штаба.

Старая имперская канцелярия была уже в значительной степени разрушена бомбардировками. Так как ожидались еще более крупные налеты, в подвальных помещениях имперской канцелярии, переоборудованных в бомбоубежища, спешно разместили различные отделы собственно главной ставки, другие же ее отделы, в том числе штаб командования вермахтом и верховное командование армии, были переведены из Цигерберга в Цоссен.

В результате того, что главная ставка была разделена на собственно ставку фюрера и штаб командования вермахтом и разместились они в различных, отдаленных один от другого пунктах, возникло чрезвычайно трудное положение. К нему мы никоим образом не были подготовлены. Для обеспечения бесперебойной связи пришлось прокладывать новую телефонную линию.

В подземных помещениях имперской канцелярии беспрерывно гудели зуммеры, раздавались приказы, слышались слова команды.

Особые затруднения были связаны с распределением имеющихся помещений. Все следовало организовать по-новому. Необходимо было найти помещение для стенографов Адольфа Гитлера. После отставки генерала Гальдера фюрер отдал распоряжение стенографировать все приказы и каждое его слово

во время ежедневных совещаний, на которых обсуждалось положение на фронтах. Это делали бывшие стенографисты рейхстага. Этим решением он хотел обеспечить личный контроль в случае возникновения каких-либо недоразумений. Благодаря этому вскоре скопились целые горы материалов, содержавших приказы и стенограммы.

Мне было поручено поддерживать с помощью моих автоколонн постоянную связь со штабом командования вермахтом в Цоссене, а также с другими штабами до тех пор, пока это было возможно.

***

Дивизии Сталина стояли у ворот Берлина.

Мы еще удерживали свои позиции, несмотря на исключительно сильные атаки противника. Нажим со стороны противника временно ослаб.

Это было затишье перед бурей…

Крупные стрелковые соединения и танковые части Красной Армии находились в нескольких километрах, готовые к новым атакам. Предстояло последнее большое наступление. Удастся ли нам остановить противника или он нас уничтожит?

Служба становилась тяжелее с каждым днем. Требования, предъявлявшиеся К каждому солдату и офицеру, были исключительно велики. Мои люди были днем и ночью в пути; они не знали нормального сна. Надо было быстро доставлять генералов и других работников личного штаба Гитлера на различные участки фронта и командные пункты.

К счастью, наши машины прибывали к месту назначения всегда — даже при самых трудных обстоятельствах. Если поездок не было, мои люди должны были помогать аварийным и пожарным командам во время бомбежек, а также выполнять сотни других приказов в зависимости от создавшегося положения и чувства солдатского долга. Никогда никто не отказывался от поставленных задач. Никто не жаловался. Каждый осознавал серьезность создавшегося положения. К тому же возрастала еще и моральная подавленность, вызываемая у нас день ото дня ухудшавшимися сводками с фронтов. И на Западном фронте наши войска вынуждены были отступать. Граду бомб, сбрасываемых американскими и английскими эскадрильями, не могли противостоять даже лучшие наши части. Эффект бомбежек был настолько велик, что наши войска не в состоянии были устоять на своих позициях.

Командующим Западного фронта был назначен фельдмаршал Кессельринг. Италия была потеряна. Наша бывшая главная квартира в Цигенберге перешла в распоряжение Кессельринга, который часто приезжал в Берлин, чтобы подробнее доложить фюреру о положении на фронте.

Заботясь о жизни фельдмаршала Кессельринга, которого он особенно ценил за его блестящие военные способности, шеф предложил мне предоставить в распоряжение Кессельринга такого человека, который мог бы обеспечить максимальную безопасность доставки его в Бан-Наугейм. В тех пределах, в каких такая гарантия вообще была возможна, дать ее мог только я сам. Я предоставил себя в распоряжение Кессельринга.

В то же время я был обременен и другими тяжелыми обязанностями. Дни и ночи в состоянии крайнего нервного напряжения проводил я за рулем моего автомобиля БМВ между Берлином и Цигенбергом. Это были самые рискованные рейсы в моей жизни. Гладкая поверхность автострады была изрыта воронками от бомб. Разбитых вражескими бомбардировщиками и сожженных машин становилось все больше, и они загромождали дорогу словно баррикады.

Я снова вернулся в Берлин. У меня было только одно желание — выспаться и отдохнуть после невероятно тяжелой недели. Однако едва я лег, как ординарец сообщил, что меня немедленно зовут к шефу.

Справившись о моем здоровье, фюрер спросил, в состоянии ли я сопровождать министра Шпеера в его поездке на фронт. Он знает, какие усилия потребовались от меня в последние дни, но он может доверить Шпеера только мне. В надежность шофера Шпеера он не верит.

У министра Шпеера как раз был день рождения. Перед отъездом я принял участие в небольшом торжестве, устроенном в кабинете Шпеера. Все мы старались забыть на несколько часов все наши заботы, однако особой радости не испытывали.

Ровно в 2 часа мы выехали на двух автомобилях из Берлина. Когда достигли Западного фронта, я покрыл машину маскировочной краской из глины. Поездка проходила в тяжелых условиях. Мы мало разговаривали. Ночью я вел машину, не зажигая фар, лавируя между двигавшимися колоннами и разбитыми автомашинами. Министр и его спутники иногда засыпали.

Мы ехали от одного командного пункта к другому. Командиры соединений непрерывно давали Шпееру справки: сколько оружия в их распоряжении, сколько снаряжения, сколько

автомашин, сколько боеприпасов? На каждый вопрос министр хотел получить самый точный ответ.

Инспекционная поездка продолжалась пять дней и пять ночей. Почти непрерывно нас обстреливали вражеские штурмовики. Вокруг нас рвались бомбы, но моя машина каким-то чудом оставалась невредимой.

Мы то и дело выскакивали из машины…

Тормоза! Выпрыгиваем из машины!.. Бросаемся лицом в грязь в придорожный кювет. Потом осторожно поднимаем голову и оглядываем небо. «Они улетели!..» Через минуту снова трогаемся в путь. Я даю полный газ, пока на нас снова не налетают самолеты.

Вечером в день моего возвращения в Берлин я направился в приемную зала совещаний в бункере фюрера. В этом бункере решалась судьба Германии. Отсюда отдавались приказы миллионам солдат. Телетайписты и телефонисты работали непрерывно днем и ночью. Уходили и приходили люди… Несмотря на то что здесь шла напряженная работа, в этом мозговом центре империи царила почти зловещая тишина.

Гитлер проводил совещание о положении на фронтах.

Я ожидал в соседнем помещении. Многие из приходивших и уходивших были моими старыми знакомыми. Шепотом осведомлялись друг у друга о самочувствии. Каждый сообщал какую-нибудь новость. Меня, конечно, спрашивали о положении на Западе. Совещание закончилось. Окруженный своими сотрудниками, Гитлер вышел из зала совещаний. Я тотчас же поднялся, чтобы доложить о своей поездке. Министр Шпеер, который участвовал в совещании, несомненно, уже сделал это, сказав, что поездка прошла успешно.

Едва увидев меня, Гитлер быстро, в присущей ему манере, отделился от сопровождавших его лиц, обнял меня как родного сына и потряс мне обе руки. Снова и снова он благодарил меня за то, что я доставил его министра вооружений целым и невредимым.

Позади группы стоял Мартин Борман. Лицо его было искажено, и, как всегда, когда его что-либо раздражало, он нервно потирал руки. Позднее я узнал, что во время моего отсутствия он предлагал Гитлеру на мое место нового кандидата. Мне было точно известно, что он уже целый год держит под рукой человека, чтобы сделать его шофером Гитлера, как только ему удастся навлечь на меня немилость фюрера. Он всеми силами старался удалить меня от Гитлера. Я был последним из числа старых приближенных Гитлера, которые имели право посещать фюрера в его служебном кабинете или на квартире, не дожидаясь

приказа или вызова. Уже одно это вызывало у Мартина Бормана ненависть ко мне.

Подобная враждебность со стороны человека, находившегося в непосредственном окружении фюрера, была мне очень неприятна, и я не раз просил отправить меня на фронт, но Гитлер неизменно отклонял мои просьбы.

Однажды, будучи особенно раздражен поведением Бормана, я вновь начал настаивать на своем. Гитлер мне сказал:

«Здесь вы несете гораздо большую ответственность, чем на фронте. Кроме того, моя жизнь, которую я так часто доверяю вам, имеет для меня гораздо больше значения, чем постоянные враждебные выпады Бормана».

***

Недели проходили в крайнем напряжении. Налеты авиации продолжались. Маршал Жуков подтягивал к воротам Берлина все более крупные войсковые соединения. Он еще не был готов к решающей битве.

15 или 16 марта 1945 г. (точно дня я назвать не могу) Гитлер неожиданно потребовал сопровождать его в поездке на фронт. Окружение Гитлера запротестовало на этот раз еще сильнее, чем раньше. Борман и генералы заклинали фюрера отказаться от этого намерения. Однако он был непреклонен и поступил по-своему.

Это был последний раз, когда он сидел рядом со мной в машине.

Он хотел снова лично обследовать боевые позиции, чтоб проверить силу войск и снабжение их боеприпасами. В полдень мы покинули Берлин в направлении на Франкфурт-на-Одере. Там, где нас узнавали, люди окружали нашу машину. Личное присутствие Адольфа Гитлера вновь вселяло в них надежду, которую мы сами давно уже потеряли.

Шеф беседовал с офицерами и солдатами, с женщинами, матерями. От него все еще исходило обаяние великой личности. Зачастую ему достаточно было нескольких слов, чтобы утешить отчаявшихся. На обратном пути Гитлер сидел рядом со мной, погруженный в мысли; лицо его хранило выражение глубокого раздумья. Не было сказано ни слова.

После этой поездки Гитлер уже ни разу не садился в машину. Все дни вплоть до самой своей смерти он провел в подземном убежище.

***

20 апреля 1945 г. День рождения Гитлера — ему исполнилось 56 лет. Невольно вспомнились прежние годы, когда этот день праздновал весь немецкий народ, когда устраивались грандиозные приемы и парады.

Поступая в 1932 г. на службу к Гитлеру, я мечтал быть его постоянным шофером-спутником, надеясь подкрепить его успехи в деле сохранения мира своей скромной долей и своим участием. Моя мечта оказалась выполнена в той мере, в какой это было угодно судьбе.

20 апреля 1945 г. не походило на прежние дни рождения Гитлера. Столица его империи была окружена армиями его злейшего врага, стоявших у самых стен города. Никаких празднеств и парадов! Только в бункере было несколько оживленнее, чем обычно.

Уже незадолго до полуночи 19 апреля Гитлера пришли поздравить сотрудники военного и личного штаба рейхсканцлера. Фельдмаршал Кейтель и генерал-полковник Йодль, а также генерал Бургдорф явились вместе со всеми своими адъютантами. В момент, когда Адольф Гитлер принимал поздравления, царило праздничное настроение.

Много народу приходило поздравить Гитлера в течение всего дня 20 апреля. В числе их были также Герман Геринг и Дениц. Однако Геринг, пробыв в кабинете Гитлера поразительно короткое время, ушел из бункера. В тот же день Геринг покинул Берлин, чтобы никогда уже не появляться в нем.

***

В этот последний день рождения Адольфа Гитлера вскоре поспе полуночи начались мощные атаки Красной Армии на Берлин. Началась последняя битва!

Первые сообщения по радио поступили ранним утром. 21 апреля. Столицу обстреливала тяжелая артиллерия русских. Слышны были первые разрывы снарядов. Они приближались, как раскаты грома, все ближе и ближе.

Атмосфера напряжения, в которой находился боровшийся за свою жизнь город, охватила и непосредственно главную ставку фюрера. Все, от Адольфа Гитлера до последнего ординарца, понимали, что борьба идет не на жизнь, а на смерть.

В правительственном квартале рвались русские снаряды. В саду имперской канцелярии появлялись все новые воронки.

Свистели осколки, от разрывов вылетали стекла. В воздухе стояли пыль и дым.

На совещании, обсуждавшем положение на фронтах, ближайшие сотрудники Гитлера во главе с Кейтелем, Йодлем и Борманом снова настаивали на том, чтобы Гитлер использовал приготовленные самолеты и отправился вместе со своим штабом в Оберзальцберг. Там он будет в безопасности, и оттуда можно будет руководить военными действиями в этой последней битве лучше, чем из Берлина, окруженного русскими.

Адольф Гитлер отклонил эти предложения. Он заявил, что независимо от развития событий он не покинет столицу империи. Он твердо стоял на своем все время с тех пор, как находился в Берлине. По его приказу все имевшиеся в нашем распоряжении самолеты должны были быть подготовлены к эвакуации из Берлина женщин и детей. Он предоставил всем своим сотрудникам право покинуть Берлин, если они этого пожелают.

Несмотря на сильный огонь артиллерии и зенитных орудий противника, машинам удавалось подняться в воздух и перелетать через русские позиции на юг. На этих самолетах покинула Берлин прислуга Гитлера, стенографы, секретарши и сотрудники личного штаба. Профессор доктор Морелль, личный врач фюрера, также улетел из окруженной столицы. Впечатлительный доктор не смог вынести обстановки, создавшейся в осажденном городе, и дрожал от страха. Гитлер лично распорядился об отправке его из Берлина.

Распрощавшись с доктором Мореллем, Гитлер заявил, что никакого другого врача он больше не возьмет, так как не доверяет ни одному человеку. У него появилось подозрение, что какой-нибудь врач может впрыснуть ему морфий в такой дозе, которая позволит в бессознательном состоянии вывезти его против его воли из Берлина. Так как пилоты Ганс Бауэр и Георг Бетц остались в главной ставке, то Гитлер понимал, что оба самолета стоят на аэродроме в Гатове в полной готовности для того, чтобы вывезти его.

После ухода доктора Морелля необходимо было заместить пост личного врача рейхсканцлера. Преемником профессора Морелля был назначен хирург, врач СС доктор Штумпфеггер. Однако Гитлер так и не прибегал к его услугам.

Несмотря на то что все оставшиеся в бункере — насколько я об этом могу судить сейчас — решились до конца исполнить свой долг, события все же подавляли нас. До сих пор помню, какое глубокое потрясение мы пережили, когда посол Гевель (председатель министерства иностранных дел при рейхсканцлере) прочитал нам листовку, составленную известным

русским писателем Ильей Эренбургом. Эта листовка распространялась в частях Красной Армии после ее перехода границ империи. Один экземпляр листовки был захвачен у русского военнопленного, попал в руки посла, и он приказал ее тотчас же перевести. В моей памяти навсегда останутся слова, прочитанные нам в бункере фюрера послом Гевелем.

После окончания войны я узнал, что посол Гевель, прорвавшись из имперской канцелярии, застрелился в пивной «Шультгейс-Брейерай» в Берлине на Шенхаузер-аллее. Уже тогда, прочитав эту листовку, Гевель сказал, что он предпочтет покончить жизнь самоубийством, нежели попасть в плен.

Если я рассказываю эти подробности, то только для того, чтобы дать как можно более точное описание того настроения, что господствовало среди нас в последней главной ставке.

Кольцо вокруг Берлина сжималось все теснее и теснее. Битва за столицу становилась все более ожесточенной. Мы узнали о тяжелых потерях среди гражданского населения. Однако трамваи, метро, городские железные дороги продолжали работать. Конечно, действовали не все линии, но там, где пути были хотя бы в относительном порядке и где продолжали работать электростанции, рабочие — мужчины и женщины — выполняли свой долг как солдаты. Не прекратило работу и значительное количество фабрик. Под огнем русской артиллерии берлинцы шли к своим рабочим местам. Ураганный огонь русской артиллерии переносили так же спокойно и стойко, как и самые страшные бомбардировки. Вплоть до захвата противником последнего берлинского переулка каждый житель столицы проявлял в борьбе нечеловеческие усилия.

Берлин продолжал обороняться.

Помещение, которое занимал прежде доктор Морелль, теперь было отведено доктору Геббельсу и его жене. Их дети находились рядом в переднем бункере. Доктор Геббельс со своей семьей также не захотел покинуть Берлин.

В результате усиливавшегося обстрела здания имперской канцелярии все больше разрушались. Значительная часть телефонных проводов была порвана. Случалось, что бункер фюрера на несколько часов полностью терял связь с внешним миром. Связисты пытались под сильнейшим артиллерийским огнем русских восстановить самые необходимые линии связи. Приказы и донесения передавались через ординарцев.

Рано утром 24 апреля русские снаряды уничтожили большую часть моего автомобильного парка. 60 автомашин были приведены в негодность. Все было раздавлено и обращено в крошево обвалившимися бетонными крышами.

***

Мы были поражены неожиданным прибытием министра Шпеера, еще раз посетившим фюрера. Еще 20 апреля он попрощался со всеми нами и в соответствии с приказом уехал из Берлина. Теперь, 25 апреля, он снова прилетел в Берлин на самолете «Физелер-шторх» и приземлился на магистрали Ост-Вест. Оттуда он пешком пришел в имперскую канцелярию.

У него состоялся продолжительный разговор с Гитлером, затем с министром иностранных дел Риббентропом, также находившимся в бункере. Затем он вновь покинул Берлин. После переговоров Риббентроп также покинул в своем автомобиле имперскую канцелярию и уехал из Берлина в северном направлении. У нас создалось впечатление, что должно произойти что-то из ряда вон выходящее.

После полудня мы узнали сенсационную новость. Из Оберзальцберга была получена телеграмма Геринга. Ее содержание вызвало у нас огромное возмущение. Телеграмма содержала в себе нечто следующее:

«После того, как Вы, мой фюрер, назначили меня своим преемником на случай, если смерть или иные обстоятельства не позволят Вам вести дальше дела правительства, я считаю, что для меня настало время вступить в должность Вашего преемника. Если я не получу никакого ответа до 24 часов 26 апреля 1945 г., я буду считать, что Вы согласны с моими предложениями. Геринг».

Среди узкого круга людей, познакомившихся с телеграммой, она произвела впечатление разорвавшейся бомбы.

Правда, после того как стала очевидной несостоятельность руководства авиацией, отношения между шефом и рейхсмаршалом испортились, и мы, посвященные, узнали об этом; тем не менее никто не ожидал от Германа Геринга подобной телеграммы. Рейхсмаршал предъявил шефу почти диктаторские требования. Мы, рядовые люди, восприняли этот шаг Геринга как открытую государственную измену.

События развивались все быстрее. Вскоре после получения этой телеграммы личный адъютант Гитлера, группенфюрер СС Шауб улетел в Мюнхен на одном из двух еще оставшихся в нашем распоряжении самолете. Я узнал, что шеф приказал ему уничтожить все его личные бумаги в Мюнхене и в Оберзальцберге. В Берлине это уже было сделано.

Подавленное настроение в бункере все более усугублялось. Бледные, но до предела хладнокровные мужчины и женщины выполняли свои обязанности. Войну считали проигранной. Каждый не сомневался, что для Германии нет уже никакого

спасения.

Может быть, генералу Венку все-таки удастся освободить Берлин?

После отлета Шауба состоялся разговор шефа с Борманом. Объявив, что он действует по поручению Гитлера, Борман дал следующую радиограмму Герингу:

«Ваше намерение взять на себя руководство государством является государственной изменой. Государственный изменник карается смертью. Учитывая Ваши заслуги за время долголетней деятельности в партии и государстве, фюрер намерен еще раз воздержаться от смертной казни. Но он требует Вашей немедленной отставки с мотивировкой, гласящей, что Вы вследствие болезни не в состоянии больше исполнять порученную Вам работу. Борман».

Одновременно Борман отправил обер-штурмбаннфюреру СС доктору Франку, командиру подразделения войск СС в Оберзальцберге радиограмму следующего содержания:

«Геринг намеревается совершить государственную измену. Приказываю Вам немедленно арестовать Геринга, чтобы пресечь всякую возможность этого. Об исполнении доложить мне. Борман».

Вскоре Борман отправил в Оберзальцберг еще одну телеграмму: «Если Берлин падет, участники измены 22 апреля 1945 года[3] должны быть расстреляны. Борман».

Только после окончания войны я узнал о результатах этой телеграммы.

Обер-штурмбаннфюрер СС доктор Франк после получения телеграммы Бормана тотчас же занял тремя ротами войск СС, находившимися в его распоряжении, все здания Оберзальцберга и наглухо изолировал их от внешнего мира. Ему было подчинено и Оберзальцбергское бюро службы государственной безопасности.

Герман Геринг был перевезен из соображений безопасности в Австрию и оставался там под охраной эсэсовцев пленником Мартина Бормана до тех пор, пока не был взят в плен американцами.

Конец приближается

На несколько недель до дня рождения Гитлера в Берлин прибыла Ева Браун. Хотя он был против этого, она отметила вместе с ним день его рождения и затем оставалась с ним до самой его смерти.

Только 26 апреля мне представился случай как следует поговорить с Евой Браун, которую я хорошо знал с 1932 г. Она заявила мне спокойно и решительно о своем желании остаться в Берлине. Ей было уже совершенно ясно, что из создавшейся ситуации выхода нет.

«Я не хочу покидать фюрера ни при каких обстоятельствах, и, если это должно произойти, я хочу умереть вместе с ним. Он сначала настаивал, чтобы я на самолете покинула Берлин. Я ему на это ответила: «Я не хочу! Твоя судьба — это моя судьба!»

В этот момент мимо нас прошел Борман, и мы заговорили о нем. Ева Браун дала мне ясно понять, что фюрер уже давно раскусил его. Однако удалить Бормана с его поста во время войны было невозможно, так как Гитлер с трудом привыкает к новым людям. В заключение она сказала, что близок день, когда уйдет и Борман.

В бункер фюрера уже было несколько прямых попаданий. Однако толстые бетонные перекрытия держались. На случай высадки вражеских парашютистов или прорыва ударных групп часовые, охранявшие имперскую канцелярию, были вооружены автоматами и ручными гранатами.

В северной части Берлина в это время шли тяжелые уличные бои. С отчаянием сражались немногие войсковые части и плохо вооруженный фольксштурм (ополчение). Но противник обладал слишком большим превосходством. Наши надежды на прибытие армии Венка и танкового корпуса Штейнера не оправдались. Офицеры и ординарцы сообщали, что улицы завалены ранеными и убитыми. Горящие автомашины и танки свидетельствовали об ожесточенности боев.

Помещения новой имперской канцелярии, которые раньше использовались в качестве бомбоубежищ для детей и беременных женщин — жителей северной части Берлина, — теперь были предоставлены под лазарет. Будучи приближенными к фюреру, мы получали постоянную информацию о положении на отдельных участках фронта от непрерывно прибывавших раненых. Много раз я сопровождал по лазарету профессора доктора Гааза, бывшего ранее личным врачом шефа, время от времени он навещал моих раненых товарищей.

Генерал авиации Риттер фон Грейм был назначен главнокомандующим авиацией вместо рейхсмаршала Геринга. Шеф приказал Грейму прилететь 26 апреля в Берлин. После промежуточной посадки в Гатове самолет «Физелер-шторх», пилотируемый Анной Рейш, приземлился в Берлине вблизи Бранденбургских ворот на магистрали Ост-Вест.

Тайком от генерала храбрая женщина спряталась в самолете за сиденьем. Когда генерал был ранен огнем русской артиллерии, ей с неимоверным трудом удалось дотянуться до штурвала через поникшего на своем сиденье генерала и посадить самолет на магистрали Ост-Вест.

Новому главнокомандующему авиацией сделали перевязку и ввели болеутоляющее лекарство. В это время Анна Рейш докладывала фюреру о полете. Для него отважные действия этой женщины были просто непостижимы. Ее блестящие способности как пилота уже давно восхищали его.

Когда Риттер фон Грейм вошел в комнату Гитлера, она уже прощалась с фюрером. Мне также выпала счастливая возможность приветствовать ее. Затем она отправилась к детям Геббельса, чтобы утешить и развлечь их, скрасив им несколько тяжелых часов. Женщина, проявившая отвагу, в эти часы стала женщиной-матерью. Она рассказывала детям сказки, пела и играла с ними и стремилась заставить их забыть об их трагической участи.

***

27 апреля 1945 г. в 17 часов мне позвонил Обергруппенфюрер СС и генерал войск СС Герман Фегелейн, державший связь между Гиммлером и Гитлером. Фегелейн спросил, могу ли я предоставить ему две автомашины для разведовательной поездки. Кроме того, он был бы очень благодарен мне, если бы я оказал ему личную услугу. Речь зашла о портфеле с важными документами рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера и самого Фегелейна, который я должен был взять на хранение. Он собирался передать их мне лично в бункере фюрера в 22 часа. Было, безусловно, необходимо обеспечить надежную сохранность этих документов и в случае прорыва неприятеля хорошо спрятать их или же уничтожить. Они ни в коем случае не должны попасть в руки неприятеля.

У меня и в мыслях не было отказывать Фегелейну, так как я в течение долгих лет был с ним по-товарищески на «ты». Кроме того, будучи мужем сестры Евы Браун, он пользовался полнейшим доверием шефа. В тот момент я даже не подумал, что

своей готовностью угодить ему я сам чрезвычайно рискую.

Вскоре Фегелейн покинул имперскую канцелярию на двух автомобилях, отремонтированных и предоставленных мной в его распоряжение. Из всего моего когда-то большого автопарка это были последние две автомашины, способные еще двигаться.

К моему большому удивлению, обе машины через полчаса вернулись обратно, но без Фегелейна. От шоферов я узнал, что он вышел вблизи Курфюрстендамма и пошел пешком, сказав при этом, что хочет выяснить обстановку. Фегелейн покинул имперскую канцелярию в форме генерала войск СС.

Когда в половине десятого вечера — время обусловленное с Фегелейном — я вошел в бункер фюрера, то невольно обратил внимание, что там царило величайшее возбуждение.

Радио, оказывается, объявило, что будет передаваться важное сообщение агентства Рейтер, основанное на сообщении Германского информационного бюро. Так как все радиооборудование имперской канцелярии было выведено из строя, то уже в течение нескольких дней вся радиосвязь велась при помощи радиостанции, установленной на автомобиле моей фронтовой автоколонны, стоявшей в угольном бункере. Без этой машины бункер фюрера уже давно был бы лишен всякой радиосвязи с внешним миром.

Радисты лихорадочно работали у своих приемников, и мы напряженно ожидали объявленного сообщения:

«Агентство Рейтер сообщает, ссылаясь на БНБ (Германское информационное бюро), что Гиммлер связался с графом Бернадоттом, чтобы вести переговоры с западными державами о сепаратном мире. Гиммлер сообщил, что он взял на себя инициативу этих переговоров ввиду того, что Гитлер окружен и у него произошло кровоизлияние в мозг. Он полностью лишен способности соображать, и ему осталось жить не более 48 часов».

Мы были потрясены. Это сообщение подействовало еще более ошеломляюще, чем телеграмма рейхсмаршала Геринга.

Борман вышел из помещения для совещания, сжав записанное сообщение в кулаке. Он гневно процедил сквозь зубы:

— Я всегда считал, что место преданности не на пряжке (на пряжке эсэсовцев, как известно, стояла надпись: «Моя честь — это преданность»), а в сердце.

Первым делом он спросил: где Фегелейн?

Я рассказал ему о разговоре с Фегелейном и о его отъезде на моих автомашинах. Я добавил, что в 22 часа он хотел передать мне портфель с документами. Хотя все мы, и мужчины, и женщины, старались сохранять спокойствие, нервное напряжение достигло высшей точки. Каждому из нас Фегелейн казался

безупречным. Он имел высшие ордена Германской империи. Был на «ты» не только со мной, но и Борманом, генералами полиции Раттенгубером и Бауром.

Секретарши и посол Гевель просили шефа дать им яду. Стало известно, что Гитлер некоторое время назад получил от Гиммлера ампулы с ядом.

Где был Фегелейн?..

Если кто-либо мог быть осведомлен о задуманной Гиммлером измене, так это именно Фегелейн!

Между тем в имперскую канцелярию возвратился адъютант Фегелейна. Он был тут же допрошен начальником службы государственной безопасности при фюрере, криминальдиректором Хеглем. Адъютант сообщил, что Фегелейн решил отослать автомашины обратно и продолжать путь пешком. Они вместе пришли в берлинскую квартиру Фегелейна. Там генерал переоделся в штатское платье и предложил ему сделать то же самое.

Адъютант был изумлен странным поведением своего генерала и счел своим долгом вернуться в имперскую канцелярию. Фегелейн намеревался дождаться, пока пройдут русские, чтобы затем пробраться к Гиммлеру. Это была открытая измена Фегелейна. Борман приказал всем учреждениям, с которыми еще поддерживалась связь, задержать Фегелейна, где бы его ни обнаружили, и немедленно доставить в бункер фюрера.

О невероятных темпах, в которых развертывались тогда события в имперской канцелярии, свидетельствует следующий случай. Пока шли розыски Фегелейна и все мы ожидали их результатов, двое ординарцев были обвенчаны статс-секретарем Науманом в присутствии Гитлера и Евы Браун. Обе невесты бежали из города от русских к своим женихам, чтобы найти у них защиту и помощь. Венчание происходило в полной тишине в одном из помещений «старой имперской канцелярии», находившемся в безопасности.

В полночь телефонный узел связал Фегелейна, говорившего из Берлина, с Евой Браун. Он возбужденным голосом потребовал от сестры своей жены, чтобы она вместе с Гитлером покинула Берлин. Он считал бегство возможным и брался за его организацию. Ева Браун отклонила это предложение и заявила, что отказывается от его помощи. Она предупредила о последствиях его поступка и просила вернуться к своим обязанностям. Фегелейн отказался. Он заявил, что не вернется и не откажется от своего решения пробраться к Гиммлеру.

К угольному бункеру примыкало несколько подземных помещений, в которых находились комнаты различных лиц из

ближайшего окружения шефа, в том числе Фегелейна. Вскоре после полуночи в угольном бункере, переполненном беженцами, был замечен подозрительный человек в штатском, который, появившись, видимо, из задних подземных помещений, направлялся к выходу. В нем заподозрили диверсанта, пытающегося пробраться из угольного бункера на Фоссштрассе. Когда часовой попытался его арестовать, заподозренный заявил, что он генерал Фегелейн, и приказал пропустить его. Но часовому было известно о розысках генерала Фегелейна. Он не дал себя запугать, арестовал его и доставил к коменданту обороны правительственного квартала, бригаденфюреру СС Монке.

В домашних туфлях и в кожаном пальто, в спортивной фуражке и с шарфом Фегелейн, когда мы увидели его у Монке, произвел странное впечатление. Он признал, что приходил за портфелем, который лежал в его комнате позади угольного бункера.

Монке немедленно передал Фегелейна криминаль-директору Хеглю для допроса. В портфеле были найдены бумаги, подтвердившие факт государственной измены Гиммлера и Фегелейна, на основании которых агентство Рейтер и передало свое сообщение. На допросе Фегелейн признался, что, захватив портфель, он намеревался вновь покинуть имперскую канцелярию.

Тотчас же был произведен обыск в комнате Фегелейна. В ней был найден дорожный чемодан, на дне которого находились два ролика с английскими золотыми монетами, каждый свыше полметра длиной, а также пакеты банкнот в фунтах стерлингов и долларах. Даже беглая оценка показывала, что припрятаны миллионные ценности в валюте неприятеля. (В интересах истории, кстати, упомянем, что этот чемодан с ценностями господ Гиммлера и Фегелейна почти наверняка попал в руки неприятеля во время разграбления имперской канцелярии.)

По приказу Гитлера был создан военный трибунал. Рассмотрев имевшиеся доказательства, трибунал после короткого заседания вынес приговор: расстрел за государственную измену. Фегелейн встретил смертный приговор не моргнув глазом.

Приговор был представлен Гитлеру на утверждение и подпись. Гитлер колебался. Речь шла о человеке, который показал себя с лучшей стороны, будучи на фронте и, кроме того, был женат на сестре женщины, которую Гитлер любил. Он обдумывал возможность замены расстрела посылкой на фронт. Это позволило бы Фегелейну реабилитировать себя.

Но Ева Браун напомнила Адольфу Гитлеру о ночном разговоре, который она за несколько часов перед этим вела с

мужем своей сестры. Она обратила внимание Гитлера на то, что Фегелейн и Гиммлер, возможно, замышляли передать его и ее живыми в руки врага. Она не хотела щадить себя и свою семью, ибо закон есть закон.

После этого Адольф Гитлер подписал смертный приговор. Обер-группенфюрер СС генерал Фегелейн был расстрелян его собственными эсэсовцами в саду министерства иностранных дел.

***

Ввиду того что положение становилось все более катастрофическим, Гитлер поручил профессору доктору Гаазе проверить на животных действие полученного им от Гиммлера яда. Ему было тяжело передать для этой цепи доктору Гаазе свою любимую собаку «Блонди». Эта овчарка сопровождала его во многих поездках и в минуты одиночества была его самым верным другом. После измены Гиммлера Гитлер сомневался в эффективности переданного ему яда.

Однако в данном случае его сомнения оказались напрасными. После укола овчарка замертво упала на ковер.

Противотанковые заграждения на улицах Берлина были замкнуты. Тяжелые и легкие немецкие танки расположились на улицах и площадях столицы. Часть их была вкопана в землю, и только их орудийные башни торчали над мостовой.

Населению было роздано продовольствие. Несмотря на сильный обстрел, у магазинов стояли большие очереди. Каждый хотел получить продукты или одежду. Начались первые грабежи магазинов. Зенитная артиллерия также была приспособлена для стрельбы по наземным цепям. Пехота и танки противника должны были в ожесточенных сражениях нести большие потери.

28 апреля генерал авиации Риттер фон Грейм покинул столицу. Снова его самолет вела летчица Анна Рейш. Стартовать было гораздо труднее, чем садиться. В непосредственной близости разрывались снаряды. Улицы были разбиты. Вокруг свистели осколки снарядов.

Однако Анну Рейш не пугало ничего. С помощью солдат она и генерал поднялись в кабину самолета «Физелер-Шторх». Взревел мотор. Благодаря своей решимости и изумительной храбрости Анна Рейш подняла самолет в воздух и без приключений доставила тяжело раненного генерала в его штаб.

***

Уже в течение нескольких дней в узком кругу приближенных фюрера говорили о предстоящей свадьбе Гитлера и Евы Браун. Многие сомневались в обоснованности этих слухов, однако вскоре все мы убедились в их правдивости.

Первые приготовления начались 28 апреля. Венчание должно было состояться в рабочем кабинете Гитлера. Перед этим он продиктовал своей личной секретарше фрау Трауте Юнге свое завещание. Первый раз ей пришлось стенографировать слова фюрера. До этого он всегда диктовал прямо на машинку. Так было составлено его политическое и личное завещание.

При бракосочетании присутствовали: семья Геббельс, Борман, Бургдорф, Гевель, секретарша фрау Христиан, имперский руководитель молодежи Аксман, а также личный адъютант полковник фон Белов. Оформление брака взял на себя неизвестный мне юрист из министерства пропаганды. В бункере, сотрясавшемся от прямых попаданий, юрист исполнил свои обязанности.

Присутствовавшие были настроены торжественно. Перед столом стояли Гитлер и Ева Браун. Рядом были свидетели — доктор Геббельс и Мартин Борман.

В соответствии с обстановкой, свидетельствующей о тяжелом и несчастном времени, чиновник тихо говорил о браке и супружеском долге. Затем новобрачным было предложено подписать свидетельство. Брак Адольфа Гитлера и Евы Браун был совершен в соответствии со всеми требованиями закона.

Присутствовавшие сидели за столом и чувствовали себя непринужденно, как на обычных вечерах за чаем. Хотя все знали, что Гитлер и его жена скоро должны умереть. Гитлер мягко и тактично попытался поднять общее настроение. Завязалась оживленная беседа. Здесь еще раз собрались самые близкие сотрудники фюрера. Заговорили о событиях минувших лет, и каждый с грустью вспомнил о прошлом.

В стране о состоявшемся браке узнали только спустя некоторое время. Кто до этого в Германии знал что-либо о Еве Браун? Все недоумевали, почему Гитлер решил жениться лишь накануне своей смерти. Мы, немногие из посвященных, знали истинную причину этого поступка. Мы видели, какой скромный образ жизни вела эта женщина, стоявшая к Адольфу Гитлеру ближе всех в течение целого ряда лет.

Сегодня можно по-всякому оценивать Гитлера как политического деятеля. Как человек он, насколько его знаю я, был одинок. Единственным другом, разделявшим с ним его одиночество, была Ева Браун. При этом она обладала величайшей скромностью, на какую только способна любящая женщина. Она

всегда держалась в тени, и, за исключением последних недель его жизни, ни разу не была в главной ставке, и не появлялась в обществе.

Гитлер поступил в данном случае так, как это сделал бы по отношению к любящей женщине всякий порядочный мужчина, к какому бы кругу он ни принадлежал. Он не хотел, чтобы верная подруга его жизни вошла в историю как его любовница.

В момент венчания они оба знали, что скоро должны умереть.

Для Евы это было ее женской долей, которую она со свойственным ей смирением сама избрала себе.

***

Наступило 29 апреля. Ранним утром Гитлер пригласил Геббельса и Бормана обсудить с ним состав нового правительства. Адольф Гитлер просил Геббельса занять пост рейхсканцлера. Тот согласился. Гроссадмирал Дениц (хотя он и отсутствовал) должен был стать президентом.

Совещание окончилось.

Все как будто стало на свои места. Фюрер потребовал, чтобы доктор Геббельс вместе со своей семьей немедленно покинул Берлин. Последовала драматическая сцена. Геббельс воспринял этот приказ фюрера как страшный удар. Он отказался подчиниться. Он не хотел покидать Адольфа Гитлера до тех пор, пока тот жив.

Когда же фюрер начал настаивать на своим требовании, Геббельс заявил, что он как комиссар по обороне Берлина не может покинуть столицу, не поступившись своей совестью. Разговор становился все более резким. Фюрер был в отчаянии. Возбужденный, он упрекнул Геббельса в том, что даже он, один из его наиболее верных сподвижников, не желает выполнять его приказы!

Со слезами на глазах Геббельс повернулся и вышел из комнаты. Потрясенный упреками Гитлера, он направился в свой рабочий кабинет и продиктовал секретарше фрау Юнге свое завещание.

В тот же день в 18 часов я стоял последний раз перед фюрером, которому верой и правдой служил в течение 13 лет.

Он был одет, как всегда, в серый полевой мундир и черные длинные брюки. Вел себя вполне спокойно и сдержанно. Я не мог себе представить, что его жизнь фактически закончена. В правой руке он держал карту Берлина; его левая рука слегка дрожала (эту дрожь часто можно было наблюдать в ставке в Виннице, на

Украине, после гриппа, который он тогда перенес, а в последние месяцы эта дрожь появлялась все чаще и чаще).

— Как обстоят дела у вас, Кемпка?

Я сообщил, что я со своими людьми обороняю имперскую канцелярию от Бранденбургских ворот до Потсдамской площади.

— Что думают ваши люди?

Я ответил, что все они без исключения держатся стойко и ждут прибытия армии генерала Венка.

На это Гитлер спокойно ответил:

— Все мы ждем Венка!

Он в последний раз пожал мне руку.

— Желаю вам всего хорошего, Кемпка!

Я снова должен был отправиться по служебным делам. Русские были уже в рейхстаге. В Тиргартен просачивались все новые и новые ударные части. Я был нужен моим людям.

Ночью Адольф Гитлер и Геббельс подписали свои завещания, подготовленные фрау Юнге. Лоренцу — представителю имперского руководителя прессы Дитриха, а также полковнику фон Белову и штандартенфюреру СС Цандеру, личному адъютанту Бормана, было вручено по экземпляру этого документа и приказано прорываться из окружения. Оба они, прорываясь из окружения, ушли в разных направлениях, надеясь пробраться к новому президенту — гроссадмиралу Деницу.

Вскоре после этого я получил от Бормана и от генерала Бургдорфа приказ послать двух надежных мотоциклистов к генералу Венку. С большим трудом мне удалось достать два легких мотоцикла, на которых покинули имперскую канцелярию курьеры, переодетые в штатское.

«Венк, последний час наступил!» — таково было краткое послание, подписанное Борманом и Бургдорфом и врученное курьерам.

Под сильным огнем противника они помчались по улицам. Каждый из них пытался прорваться из Берлина в разных направлениях для того, чтобы достигнуть Ферха около Потсдама. Там должен был находиться Венк со своим штабом.

Одному из курьеров удалось отъехать не так далеко. Ценой невероятных ухищрений он доехал до частично еще занятого немецкими войсками Грюневальда. Здесь его задержали. И хотя он предъявил свои документы, а также солдатскую книжку, его все же арестовали по подозрению в дезертирстве. Штатская одежда только усилила подозрение. На батальонном командном пункте он был допрошен. И хотя он предъявил подписанный Борманом и Бургдорфом документ на бланке со штампом: «Управление адъютантов при фюрере», его все же не отпустили.

Допрашивавшие заявили ему, что им не известны лица, подписавшие документ.

Курьера переправляли с одного командного пункта на другой. Повсюду сомневались в подлинности письма к генералу Венку.

Только на следующее утро его привезли в броневике к подземному убежищу у зоопарка. После телефонного звонка в имперскую канцелярию заблуждение рассеялось. Через несколько часов он был припровожден в имперскую канцелярию.

Второй курьер не вернулся, но, вероятно, и он не достиг своей цели.

Смерть Адольфа Гитлера

Полдень 30 апреля 1945 года.

В районе имперской канцелярии и правительственного квартала непрерывно рвутся снаряды русской артиллерии. Сражение становится все более ожесточенным. С грохотом рушатся дома; улицы вокруг имперской канцелярии постепенно превращаются в каменную пустыню.

Фюрер попрощался со всеми присутствовавшими, каждому пожал руку и поблагодарил за службу и за верность ему.

Секретарши фрау Юнге и фрау Христиан, а также диэтическая повариха фрейлейн Манциази были приглашены к обеду. Рядом с Адольфом Гитлером сидела его жена. Как в лучшие дни, он старался вести непринужденную беседу и для каждого у него находилось слово.

Едва только был закончен этот последний обед и три дамы удалились, фюрер велел своему адъютанту Гюнше снова позвать их к себе. Стоя с женой на пороге своей комнаты, он попрощался с ними еще раз. Фрау Гитлер обняла женщин, безупречно долгие годы служившие фюреру, и еще раз пожала им на прощание руку.

Гитлер попрощался также с Борманом и своим адъютантом Гюнше. Адъютант еще раз получил строгий приказ тотчас же связаться со мной для того, чтобы обеспечить достаточное количество бензина для сожжения трупов. Объясняя это, шеф сказал своему адъютанту:

— Я не хочу, чтобы после моей смерти русские выставили меня в своем паноптикуме.

Я в это время находился в уцелевшем от бомбежек помещении подземного гаража. Решал вопросы, связанные со сменой постов. В этот момент раздался телефонный звонок. Я снял трубку. Услышал голос Гюнше:

— Эрих, мне обязательно надо выпить! Нет ли у тебя бутылки шнапса?

Я был удивлен. В эти дни было не до выпивки. Снова раздался голос Гюнше.

— Нет ли у тебя чего-либо выпить?

Что случилось с Гюнше? Тут что-то не в порядке. Ну, я об этом сейчас узнаю, подумал я, так как Гюнше заявил, что он немедленно придет ко мне. Я приготовил бутылку коньяку.

Я ждал. В чем же дело? Гюнше не появлялся. Я не знал, откуда он звонил мне и где я могу найти его.

Прошло полчаса. Снова зазвонил телефон.

У аппарата снова был Гюнше. Возбужденным хриплым

голосом он сказал:

— Ты должен немедленно доставить мне 200 литров бензина!

Его требование показалось мне неудачной шуткой, и я хотел было ему объяснить, что это невозможно.

Но он почти закричал:

— Бензину! Эрих, бензину!

— Для чего тебе 200 литров бензину?

— Я не могу объяснить тебе по телефону. Пойми, я должен иметь бензин! Послушай, Эрих, я должен иметь бензин немедленно у входа в бункер, даже если бы тебе пришлось для этого перевернуть весь мир!

Я объяснил, что бензин есть только в Тиргартене, где закопаны бочки с несколькими тысячами литров горючего. Но посылать туда своих людей — значит посылать их на верную смерть. Из-за сильного огня тяжелой артиллерии туда невозможно пробраться.

Я попросил его:

— Подожди хоть до семнадцати часов, к тому времени обстрел утихнет. Уж столько-то времени можно подождать?

Но Гюнше был неумолим.

— Я не могу ждать и одного часа. Попытайся достать бензин из баков разбитых автомобилей. Сейчас же присылай своих людей с бензином к выходу из бункера фюрера и иди сюда сам!

Гюнше повесил трубку.

Большая часть машин в подземном гараже еще не сгорела, но они были разбиты и придавлены обрушившимися потолками.

Не теряя времени, я приказал своему заместителю взять несколько человек и тотчас же приступить к работе, а потом доставить к указанному месту канистры с бензином.

Сам я поспешил, пробираясь через развалины, мимо разбитых машин, к Гюнше, чтобы узнать, что же случилось.

В тот момент, когда я вошел в бункер, Гюнше выходил из рабочего кабинета Гитлера, так что мы встретились в приемной.

Его лицо изменилось до неузнаваемости. Смертельно бледный, он уставился на меня.

— Ради бога, Отто, что же случилось? — вскричал я. — Ты, видимо, сошел с ума, если требуешь, чтобы я при таком обстреле доставил тебе сюда бензин и ради этого пожертвовал жизнью полдюжины своих людей!

Казалось, Гюнше не слышал моих слов, он бросился к дверям и закрыл их.

Затем он повернулся, посмотрел на меня широко раскрытыми глазами и сказал:

— Шеф умер!

Меня как будто ударили обухом по голове…

Я испуганно спросил:

— Как это могло случиться? Ведь только вчера я говорил с ним! Он был здоров и полон сил!

Гюнше был настолько потрясен, что не нашел слов для ответа. Он только поднял правую руку, имитируя выстрел в рот.

— А где же Ева? — спросил я, глубоко потрясенный.

Гюнше показал рукой на закрытую дверь кабинета шефа:

— Она с ним.

Лишь постепенно я узнал, как все произошло.

Шеф застрелился в своем рабочем кабинете из револьвера выстрелом в рот и упал головой на стол.

Ева Гитлер сидела, прислонившись к спинке дивана рядом с ним. Она отравилась. Однако и у нее в руке был наготове револьвер. Правая рука ее повисла, револьвер лежал на полу рядом.

— Борман, Лингэ и я слышали выстрел и бросились в комнату. Доктор Штумпфеггер пришел для осмотра. Позвали Геббельса и Аксмана…

Это известие ошеломило меня.

— Кто у него сейчас?

— Геббельс, Борман, Лингэ и еще доктор Штумпфеггер — он констатировал их смерть. Аксман уже ушел.

В этот момент один из моих людей вошел в приемную и доложил, что к бункеру доставлено 160-180 литров бензина.

Я отослал его обратно. В этот момент дверь в комнату Гитлера открылась.

— Бензин! Где бензин? — закричал с отчаянием личный ординарец Гитлера Лингэ. Я ответил:

— Бензин приготовлен!

Лингэ бросился обратно в комнату. Через несколько секунд дверь снова открылась.

Доктор Штумпфеггер и Лингэ несли завернутый в темное солдатское одеяло труп Адольфа Гитлера. Лицо шефа было закрыто до самой переносицы. Сквозь сильно поседевшие волосы белел мертвенно бледный лоб; левая рука выскользнула из одеяла и свисала вниз.

Следом Мартин Борман нес Еву Гитлер. Она лежала у него на руках в легком черном платье. Ее голова с белокурыми локонами откинулась назад. Эта картина потрясла меня еще больше, чем вид моего мертвого шефа. Ева ненавидела Бормана. Она претерпела от него много обид. Его интриги в борьбе за власть давно были известны ей. И вот теперь ее, мертвую, нес к последнему пристанищу ее величайший враг. Нет, ни одного

момента не должна она оставаться на руках у Мартина Бормана!

Я сказал Гюнше:

— Помоги нести шефа, а я возьму Еву. — Я подошел к Борману и молча взял труп Евы у него из рук.

Ее левый бок был влажен. Я подумал, что она тоже застрелилась. (Позднее Гюнше сказал мне, что, когда шеф упал головой на стол, опрокинулась ваза, и вода пролилась на Еву.)

Я не учел, что к выходу из бункера надо подняться на 20 ступенек. Силы отказали мне, и я должен был остановиться. На помощь мне пришел Гюнше. Мы вместе вынесли труп Евы Гитлер.

Было 2 часа дня. Территория имперской канцелярии находилась под сильным обстрелом. В непосредственной близости рвались снаряды. Бесчисленные фонтаны земли поднимались вверх. В воздухе стояла цементная пыль.

Доктор Штумпфеггер и Лингэ быстро положили на землю труп шефа, примерно в трех метрах справа от входа в бункер. Рядом стояла большая бетономешалка, которую в свое время привезли для того, чтобы усилить бетонное перекрытие бункера фюрера еще на метр.

Гитлер лежал, завернутый в одеяло, ногами к бункеру. Длинные черные брюки задрались вверх. Правая ступня, как и при жизни, была повернута внутрь. Я часто замечал, что он держал так ногу, когда, усталый, сидел рядом со мной в машине.

Гюнше и я положили Еву Гитлер рядом с мужем. В спешке мы положили ее труп под углом к трупу Адольфа Гитлера.

Вокруг нас рвались русские снаряды; казалось, будто в этот момент интенсивность обстрела имперской канцелярии и бункера фюрера удвоилась.

Я бросился назад в бункер, чтобы отдышаться и переждать, пока артиллерийский огонь утихнет. Потом я схватил бак с бензином, выбежал из бункера, поставил его рядом с трупами и быстро успел поправить правую руку Гитлера, пододвинув ее ближе к телу. Его волосы развивались на ветру.

Я сорвал пробку с бака. Снаряды рвались совсем рядом. Пыль и грязь покрыли нас. Вокруг свистели осколки. Спасаясь от обстрела, мы снова бросились в бункер.

Нервное напряжение достигло предела. Мы нетерпеливо ждали момента, когда разрывы снарядов станут реже и появится возможность облить трупы бензином.

Низко пригибаясь, я снова выбегаю из бункера, хватаю бак с бензином. Делаю это только потому, что осознаю: это последний приказ Гитлера. Ценой огромных усилий мне удается заставить себя вылить бензин на трупы.

Меня охватывает дрожь. Были мгновения, когда я терял

самообладание. «Я не могу этого сделать!»

И все же в эти моменты чувство долга берет верх, заставляет пересилить себя. Рядом со мной Гюнше и Лингэ. Они тоже выполняют свой последний долг перед Гитлером и его женой. Ветер играл одеждой мертвых, пока она не намокла от бензина. Гюнше и Лингэ — это видно по их лицам — также испытывают внутреннюю борьбу.

Снаряды продолжали рваться, и нас то и дело обсыпало землей. Забыв о смертельной опасности, я вытаскивал из бункера один бак с бензином за другим, чтобы как следует подготовить последний акт этой трагедии. В свое время, когда бетономешалка еще работала, рядом с ней образовалась канава, в которой и лежали трупы. Вылитый мной бензин образовал лужу, и одежда трупов пропиталась им.

Мы еще раз бросились в бункер за новыми баками с бензином. Но тут артиллерийский огонь настолько усилился, что выйти из бункера было невозможно. Только чудо уберегло нас в тот момент от гибели.

У входа в бункер, рядом с нами, выполнявшими эту страшную работу, стояли доктор Геббельс, Борман и доктор Штумпфеггер. Никто не мог в этот момент покинуть бункер. Снаружи был ад!

Надо было выскочить еще раз, чтобы зажечь бензин.

Но как это сделать? Предложение поджечь гранатой я отклонил. Случайно мой взгляд упал на большую тряпку, которая валялась рядом с пожарными шлангами у выхода из бункера.

— Вон тряпка! — крикнул я.

Гюнше бросился и схватил ее. Открыть бак и смочить тряпку бензином было делом одной секунды. Тряпка быстро пропиталась горючим.

— Спичку!

Доктор Геббельс достал коробку из кармана и протянул ее мне. Я чиркнул спичкой и поджег тряпку. Едва огонь вспыхнул, я бросил горящий шар, и он, описав дугу, упал на трупы. Мы уставились на них широко раскрытыми глазами. Через секунду вверх взметнулось огромное пламя и поднялось облако черного дыма.

Зловещее зрелище представлял собой этот огромный столб дыма на фоне горящей столицы.

Словно окаменев, смотрели на эту картину доктор Геббельс, Борман, Штумпфеггер, Лингэ, Гюнше и я. Огонь медленно пожирал трупы. Все мы, шесть человек, поспедний раз прощались с шефом и его женой. Затем, глубоко потрясенные ужасом всего происшедшего, мы спустились в бункер.

Бензин догорал. Между тем трупы еще даже не обуглились, и, поскольку подливать бензин в горевший костер было невозможно, приходилось выжидать, пока огонь не погаснет, а потом снова поливать трупы бензином и поджигать его. Русская артиллерия не прекращала обстрел, и казалось, что сжечь трупы так, чтобы они обратились в пепел, нам не удастся.

Сожжение трупов длилось с 14 часов дня и примерно до 19.30 вечера. В этих невероятных условиях мне удалось с помощью моих людей доставить еще несколько сот литров бензина.

Когда мы возвратились в бункер, то увидели, что там собрался весь штаб. Многие выходили наверх, чтобы отдать последний долг шефу и его жене. У таких закаленных в боях людей, как комендант правительственного квартала бригаденфюрер Монке, генерал полиции Раттенгубер и другие, по щекам текли слезы.

Конечно, для многих из нас происшедшее было неожиданностью. Но когда это стало свершившимся фактом, мы чувствовали себя ошеломленными. Спокойствие, царившее здесь при любой обстановке, со смертью Адольфа Гитлера исчезло. Все были возбуждены, никто не знал: что делать дальше? Страх, казалось, овладел всеми.

Первый взял себя в руки доктор Геббельс.

— Борман, Бургдорф, Кребс, Монке, прошу вас на совещание — обсудим создавшуюся обстановку!

Мы с Гюнше еще раз прошли в комнату, где застрелился шеф. Чувство полной опустошенности охватило нас, когда мы вошли туда. Все здесь еще напоминало о смерти. Револьверы Евы и Гитлера лежали на красном ковре. На столе и на полу отчетливо были видны следы крови. На столе лежала опрокинутая ваза. Наискось от нас висел на стене небольшой портрет матери Гитлера в молодости. Над письменным столом одиноко висел портрет Фридриха Великого.

Я покинул комнату. Проходя мимо приемной для врачей, я увидел фрау Магду Геббельс. Она сидела за столом. Увидев меня, она попросила сесть с нею рядом. Нетрудно было заметить ее глубокое душевное потрясение. Она стала рассказывать, как фюрер прощался с нею.

— Я упала перед ним на колени и просила его не уходить из жизни. Он дружески поднял меня и спокойным голосом сказал, что должен уйти из этого мира. Только так он сможет освободить путь для Деница, чтобы спасти Германию, если что еще можно спасти.

Стремясь отвлечь ее, я заговорил о возможности побега их семьи из Берлина. Я имел в своем распоряжении три

бронетранспортера. Они были предоставлены мне в последние дни. Может быть, мне удастся вывести семью из опасной зоны. Она была согласна с моими предложениями. В этот момент вошел Геббельс. Его жена сразу же стала излагать ему мой план бегства. Геббельс решительно отклонил его.

— Генерал Кребс едет в качестве уполномоченного мной парламентера к генералу Жукову, чтобы начать с ним переговоры о возможности свободного выхода из окружения. Если эти переговоры не дадут никакого результата, мой путь твердо определен. Я останусь в Берлине, у меня нет никакого желания стать вечным беженцем, скитающимся по всему миру…

Он повернулся ко мне:

— Моей жене и моим детям не возбраняется, конечно, бежать из Берлина.

— Само собой разумеется, что я останусь со своим мужем. Путь, который он изберет для себя, будет и моим путем, — заявила фрау Геббельс.

Я пошел в комнату врачей, где лежал тяжело раненный начальник команды охраны, штурмбаннфюрер Ф. Шедле, и рассказал ему обо всем, что произошло. Во время нашей беседы пришли Гюнше и криминаль-директор Хегель. Гюнше прервал наш разговор и передал мне приказ коменданта Монке явиться вместе с моими людьми в 21.00 в угольный бункер новой имперской канцелярии, чтобы попытаться прорваться из окружения.

Шедле заявил, что, когда мы уйдем, он всадит себе пулю в лоб, так как не хочет попасть живым в руки врага. Позднее Шедле действительно покончил с собой.

Вечером, явившись в бункер, я встретил там генерала полиции Раттенгубера, который сообщил мне, что вместе с несколькими своими сотрудниками и личным ординарцем Гитлера Лингэ он присутствовал, когда тушили огонь.

Обуглившиеся останки трупа Гитлера и его жены были собраны и похоронены в небольшой могиле у стены моей квартиры. (См. Схему №1.)

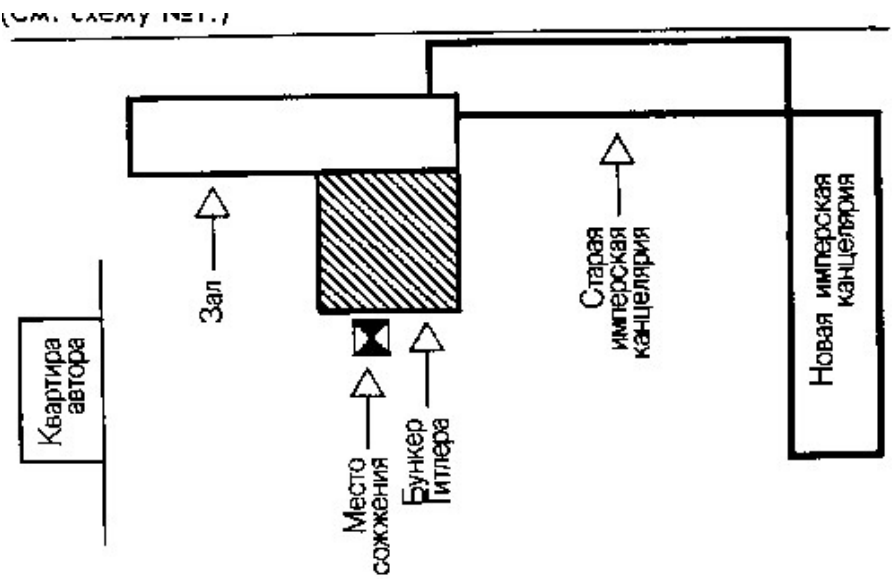

Иллюстрация 1: Схема №1

После сожжения

После совещания, на котором присутствовали Геббельс, Бургдорф, Борман, Кребс и Монке и на котором были выработаны условия переговоров с генералом Жуковым, генерал Кребс отправился к русским в качестве парламентера. К 9 часам вечера генерал еще не вернулся. Монке приказал отложить прорыв на 24 часа.

Поздно вечером генерал Кребс явился наконец в имперскую канцелярию. Он сообщил доктору Геббельсу, что русский генерал Жуков требует безоговорочной капитуляции. Он смог лишь получить заверение, что с ранеными и пленными будут обращаться согласно положениям Женевской конвенции.

Наше решение было твердым: прорыв. Он был назначен на 21 час 1 мая 1945 г. Нам было все равно. Имелись только две возможности: прорваться живыми сквозь вражеские линии или умереть смертью, достойной солдата. Все новые подразделения русских просачивались в Тиргартен. Было очевидно, что, если русские предпримут сильные атаки, удержать свои позиции до прорыва нам будет трудно.

В этот ужасный момент я невольно подумал о фрау Геббельс.

Что будет с нею и с ее детьми?

Она не хочет расставаться со своим мужем… да теперь уже и слишком поздно.

Эта мысль не давала мне покоя. Неужели нельзя спасти невинных детей? Наступило 1 мая 1945 г.

Настроение в бункере фюрера стало почти невыносимым. После обеда пришел статс-секретарь Науман и просил меня доставить в бункер еще 200 литров бензина. Доктор Геббельс и его жена приняли решение, по примеру Адольфа Гитлера и его жены, покончить с собой тотчас же после нашего прорыва из имперской канцелярии и хотят, чтобы их тела были сожжены.

К этому моменту в руках немецких войск оставались только площадь Белле-Альянц, Ангальтский вокзал, Потсдамский мост, Бранденбургские ворота, вокзал «Фридрихштрассе», а также дворцовый квартал.

В лазарет бункера была доставлена тяжело раненная молодая девушка. Платье ее было разорвано и испачкано кровью. Ей немедленно промыли раны и наложили повязки. Несмотря на страдания, с ее уст не сорвалось ни одной жалобы. Бледная и усталая, лежала она в бункере. Чуть слышным голосом она спросила о своем женихе. Ей было известно, что он работает у меня шофером в имперской канцелярии. Она не надеялась

встретить его здесь, так как считала, что он выполняет какой-нибудь приказ и, должно быть, сейчас где-нибудь в пути.

Но судьба подарила ей счастливый случай. Жених оказался на месте. Я немедленно вызвал его. Молодая девушка, казалось, сразу забыла обо всем, в том числе и о своих физических страданиях.

Молодой человек обратился ко мне и сказал, что он хотел бы исполнить желание своей невесты: они просят чтобы их немедленно обвенчали. Я тут же отправился к статс-секретарю доктору Науману.

Он был юристом, знал законы и к тому же до этого уже оформил брак нескольких пар. Но просьбу молодых людей Науман исполнить отказался, заявив, что он слишком занят и не может сделать это в данный момент. Его непосредственный начальник, доктор Геббельс, дал ему срочное поручение.

Таким образом, мне, начальнику жениха, не оставалось ничего другого, как обвенчать молодых. Я приказал составить свидетельство о браке и назначил церемонию бракосочетания на 18.00 в диетической кухне бункера.

Опираясь на руки свидетелей, девушка вместе со своим женихом вошла в кухню. Как было и раньше во время бракосочетаний, здесь воцарилась некая торжественность. Слышно было только, как в саду имперской канцелярии рвались снаряды. Когда снаряды попадали в бункер, было такое впечатление, будто по случаю торжества разбивают бокалы.

Мне трудно было найти подходящие слова. В этой неслыханно тяжелой обстановке глаза молодых людей светились таким огнем и они смотрели на меня с таким глубоким доверием, словно все это происходило совсем в другое время и они были обыкновенной счастливой парой.

Вскоре после венчания я узнал о том, что дети Геббельса умерли.

Доктор Штумпфеггер рассказал мне, что Геббельс просил его впрыснуть им быстро действующий яд. Доктор не смог этого сделать: мысль о собственных детях не позволяла ему совершить такой поступок. Геббельс был в отчаянии. Он ни в коем случае не хотел, чтобы его дети попали живыми в руки врага. В конце концов он нашел среди беженцев в угольном бункере врача, который согласился выполнить просьбу супругов Геббельс. Этот-то врач и умертвил детей.

Последние приготовления к прорыву были закончены. Лишний багаж нужно было оставить здесь. Наследство фрау Евы Гитлер, которое она распределила незадолго до своей смерти, можно было взять с собой лишь частично.

Часы показывали 20 часов 45 минут.

Для сожжения трупов Геббельса и его жены все было приготовлено. Об этом позаботился сам Геббельс.

Желающие участвовать в прорыве — солдаты, беженцы и раненые — были разделены на отдельные группы. К группе, которой командовал я, были присоединены еще 30 женщин.

Я еще раз спустился в бункер фюрера, чтобы проститься с доктором Геббельсом и его женой. Хотя их дети были уже мертвы, сами они держались спокойно и стойко. Фрау Магда Геббельс попросила меня разыскать ее сына от первого брака Гаральда и передать ему сердечный привет от нее. Я должен был рассказать ему о том, как умерла его мать.

***

Наступила темнота. Разбившись на группы, мы покидали имперскую канцелярию. Быстро прошли вымершую Вильгельмплац, спустились в тоннель метро и по шпалам направились к Фридрихштрассе. Примерно через два часа мы добрались до вокзала Фридрихштрассе.

Здесь мы увидели потрясающую картину. Смертельно усталые солдаты, раненые, о которых никто не заботился, и беженцы лежали у стен, на ступеньках лестниц, на платформах. Большинство этих людей уже потеряло всякую надежду на бегство и было безучастно ко всему происходящему.

Я покинул вокзал, чтобы разведать возможность прорыва в северном направлении. Данный мне приказ гласил, что я должен попытаться со своей группой (около ста человек) достигнуть Фербеллина. По имеющимся сведениям, там еще сражались отдельные части немецких войск.

В нескольких метрах от Вайдендамского моста улица была перекрыта заграждениями. Рвались снаряды. Все вокруг казалось вымершим. Засевшие за баррикадой солдаты сообщили мне, что некоторым подразделениям удалось прорваться, но оставшиеся, понеся тяжелые потери, отброшены назад.

Выглянув за баррикаду, я убедился, что солдаты говорили правду: тела убитых и раненых темнели на мостовых, словно тени. Картина была ужасающая.

Чтобы можно было просматривать Фридрихштрассе, враг зажег на Цигельштрассе гигантский костер. Со слов солдат я узнал, что русские укрепились в домах и развалинах Фридрихштрассе. Они уничтожали автоматным и пулеметным огнем всякого, кто появлялся на улице.

Собрав в этом месте свою группу, я объявил всем, что назначаю Адмиралпаласт постоянным сборным пунктом. Каждому была предоставлена возможность прорываться самостоятельно или присоединяться к другой какой-либо прорывающейся группе.

В 2 часа ночи ко мне подошли какие-то люди. Я узнал Бормана — он был в форме обергруппенфюрера СС. Среди сопровождавших его лиц были доктор Науман, адъютант Геббельса гауптштурмфюрер СС Швегерман и доктор Штумпфеггер. Они покинули имперскую канцелярию после нас.

Я спросил Швегермана, что произошло с Геббельсом и его женой. Швегерман ответил, что супруги Геббельс покончили с собой точно так же, как Адольф и Ева Гитлер: министр застрелился, а фрау Геббельс приняла яд.

Обстановка не позволяла говорить об этом дальше. Борман, доктор Науман и я обсудили положение. Борман решил достать для прорыва танки. Я возразил ему: вряд ли сейчас, в этом районе можно найти хотя бы один танк.

И вдруг случилось чудо: мы услышали лязг гусениц, который все приближался и приближался. Надежда вкралась в наши сердца, когда мы увидели три танка T-IV и три бронетранспортера.

Командир первого танка, отрекомендовавшийся оберштурмфюрером СС Ганзеном, доложил: то, что мы видим, — это остатки танковой роты дивизии СС «Норд», которая в соответствии с приказом ушла на север. Я сообщил Ганзену о нашем намерении прорваться через оборону, приказав ему двигаться медленно, так, чтобы наша группа, направлявшаяся к Цигельштрассе, была под защитой танков. Мы шли рядом с танками, словно черные тени. Борман и доктор Науман находились по левую сторону от танка, доктор Штумпфеггер и я шли за ними…

Нервы были напряжены до предела. Каждый знал, что речь идет о жизни или смерти. Внезапно противник открыл сильный огонь. Через секунду огромное пламя неожиданно вырвалось из ближнего танка. Шедшие впереди Борман и доктор Науман были отброшены взрывной волной.

В ту же секунду я упал, отброшенный в сторону. Доктор Штумпфеггер свалился прямо на меня. Я потерял сознание. (См. схему №2.)

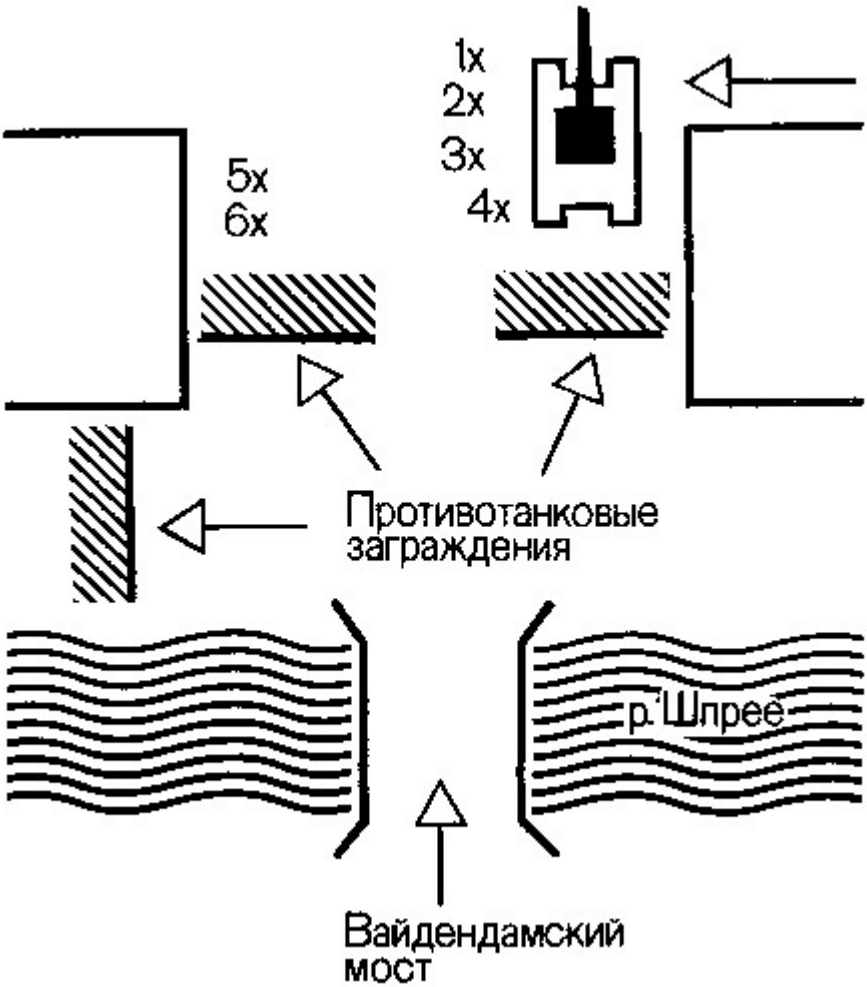

Иллюстрация 2: Схема №2

Бегство из Берлина

Не знаю, сколько времени я пролежал без сознания, но когда пришел в себя, то обнаружил, Что мои глаза, ослепленные пламенем взрыва, перестали видеть. Я с ужасом подумал, что ослеп навсегда. Я начал шарить руками вокруг. Сознание вновь заработало.

Видимо, взрывная волна меня отбросила в развалины дома. Я ничего не видел. Опираясь на руки, с трудом прополз метров сорок, пока не уткнулся во что-то. Я нащупал препятствие: должно быть, это было противотанковое заграждение — то место, откуда мы начинали свой прорыв.

Постепенно глаза мои начали различать очертания предметов. Я решил передохнуть. Через некоторое время зрение вернулось ко мне. Я увидел какую-то шатающуюся фигуру, подошел ближе и узнал 2-го пилота Гитлера, Георга Бетца, который тоже участвовал в прорыве. Его голова была раскроена осколком снаряда.

Вероятно, это случилось, по его словам, во время того самого взрыва, который отбросил в стороны нас четверых — Бормана, Наумана, Штумпфеггера и меня. Поддерживая друг друга, мы направились к Адмиралпаласту. Но едва мы дошли до Вайдендамского моста, как Бетц почувствовал, что он двигаться дальше не в состоянии. Я усадил его в тачку, брошенную кем-то из беженцев. К счастью, тут я увидел фрау Хейзерман, служившую у профессора Блашке зубным врачом. Профессор Блашке был личным зубным врачом фюрера.

Я попросил ее позаботиться о Бетце и принес из Адмиралпаласта бинты. Фрау Хейзерман пообещала мне отвести Бетца в свою берлинскую квартиру и организовать уход за ним. К сожалению, позже я узнал, что Бетц вскоре умер на том месте, где я оставил его.

Я снова направился в Адмиралпаласт. После всего случившегося я убедился, что групповой прорыв из Берлина невозможен. Поэтому группа была распущена. Каждому было предложено по возможности переодеться в штатское и попытаться прорваться через вражеское кольцо самостоятельно.

Отдав последнее воинское распоряжение, я должен был подумать и о самом себе. Захватив с собой семь человек, я направился к вокзалу Фридрихштрассе. Там мы спустились в метро и пошли к Лертскому вокзалу. Но и здесь, как оказалось, план побега был невыполним. Железнодорожное полотно, по которому следовало пойти, находилось под сильным обстрелом.

Мозг лихорадочно искал пути выхода из положения. Надо было либо бежать, либо спрятаться. Куда я ни смотрел, всюду шла стрельба. Мы спустились с откоса железнодорожного полотна и вышли к надземной дороге, окруженной складскими помещениями.

Я осторожно вошел в склад. В нем находилось несколько человек, в том числе иностранные женщины-рабочие. Они торопливо стали убеждать меня немедленно снять мундир. Одна из работниц дала мне промасленный комбинезон монтера и направила меня на чердак, где я мог переодеться и спрятать среди сложенных там заржавевших радиаторов центрального отопления мою форму. Моим товарищам также достали гражданскую одежду. Переодеваясь, я осмотрел рану на своей правой руке и почувствовал совершенную обессиленность. Страшно хотелось спать. Едва я лег, как услышал громкую русскую речь. Выглянув в люк и посмотрев на ворота, я увидел большую толпу русских солдат. Они стояли в окружении иностранных рабочих.

Встретившиеся с ликованием обнимались и целовались.

Мной овладела полная апатия, и поэтому я не ощущал опасности, которая внезапно снова стала такой близкой.

Та же югославка, что дала мне комбинезон, позвала меня вниз. Мне ничего не оставалось, как делать то, что она говорит. Я спустился вниз и подошел к толпе иностранных рабочих и русских солдат. Улыбаясь, молодая югославка взяла меня за руку и подвела к русскому комиссару. Он посмотрел на меня испытывающим взглядом и обнял точно так, как только что обнимал иностранных рабочих. Югославка представила меня как своего мужа.

Таким образом и я удостоился «чести» побывать в объятиях комиссара.

— Товарищ! Берлин капут! Гитлер капут! Сталин великий человек!

Русские принесли водку, мясные консервы, масло, хлеб. Я пошел наверх пригласить товарищей — комиссар, переполненный восторгом победителя, хотел приветствовать немецких рабочих.

Дальше все происходило как во сне. Комиссар ушел вместе со своими солдатами. Мы снова пошли наверх. Эти несколько минут были более утомительными, чем несколько последних часов. Усталые, мы опустились на пол. Уснуть, лишь бы уснуть хотя бы на миг. На время мы забыли обо всем окружающем. Однако внутреннее беспокойство заставило меня проснуться и подняться на ноги.

Еще была возможность предпринять что-нибудь. Я тотчас же

разбудил своих крепко спавших товарищей и приказал немедленно сжечь все имевшиеся документы, приказы, солдатские книжки. Сам я тоже проверил содержимое своих карманов и все сжег. В огонь пошел и флажок с моей машины.

Теперь мы стали людьми без имени. Всего несколько часов назад на нас была форма, которой мы всю свою жизнь гордились, теперь же походили на оборванных бродяг.

Предпринятые меры лишь чуть-чуть обнадежили. Но всем было ясно, что вырваться из рук противника всей группой не удастся. Отправляться нужно по одиночке. Как ни тяжело было расставаться со своими верными товарищами, обстановка того требовала. У каждого из нас имелась только одна возможность — попытать счастья на свой собственный риск.

Выйдя на улицу, я наткнулся на уже знакомых мне русских солдат. Они шумно приветствовали меня и кое-как объяснили, что возвращаются к складам. Мне не осталось ничего другого, как присоединиться к ним. Едва мы переступили порог помещений, как встретились с югославской девушкой, выдавшей меня за своего мужа. Она радостно поприветствовала нас. Комиссар объявил, что сейчас состоится праздник победы. Принесли водку, другие алкогольные напитки. Праздник начался.

Мыслями я вновь и вновь возвращался к разрушенному дому в саду имперской канцелярии, рядом с которым каких-нибудь 48 часов назад были погребены человек, которому я верой и правдой служил всю свою жизнь, и женщина, которую я так чтил.

Мыслями я возвращался туда, где мне довелось исполнить самый тяжкий долг, который когда-либо выпадал на мою долю. И все же во имя этого жалкого отрезка жизни, к которой человек так привязан и которую он любит, я должен был участвовать в торжестве. Со мной все время чокались, и я тоже должен был непрерывно чокаться с русскими солдатами.

Когда-то в мирные дни я прочитал в прекрасном переводе на немецкий язык «Ад» Данте. Тогда я как следует его не понял. Я только смеялся и думал, что все великие поэты в конечном счете просто фантазеры. Но жизнь выше всяких фантазий.

Изрядно подвыпивший комиссар потребовал, чтобы я станцевал с моей «югославской» женой. Во время танца я обратил внимание, что из правого рукава у меня сочится кровь. Чтобы этого не заметили, я сунул руку в карман.

Но вот и эти ужасные часы, при воспоминании о которых мне до сих пор становится не по себе, прошли. Добрая маленькая девушка из Югославии, с которой меня ничто, кроме взаимной симпатии, возникшей в этой необычной обстановке, не связывало, была мне в этот день верным товарищем; у нее мог бы поучиться

мужеству и любой мужчина.

Все время меняя направление, мимо русских патрулей, прочесывавших разрушенный город в поисках немецких солдат, она провела меня и какую-то присоединившуюся к нам в пути венгерскую баронессу в Тегель. Там она покинула нас и вернулась к своим землякам.

Я до сих пор не знаю, чем объяснить такое отношение ко мне со стороны этой девушки. Не означало ли оно, что эта иностранная работница была все же счастлива и довольна своей жизнью в той Германии, которую теперь обливают грязью?

30 мая 1945 г. я попал наконец в Виттенберг. Затем, переплыв Эльбу, я через Веймар, Нюрнберг и Мюнхен добрался до Берхтесгадена. Никто не узнал и никто не задержал меня.

В пути мне еще раз улыбнулось счастье: одна девушка-немка, которая работала у союзников в качестве переводчицы, достала мне документы на мое собственное имя. Благодаря этому я получил возможность беспрепятственно достигнуть своей цели — Берхтесгадена.

Полтора дня отдыхал я в полном покое у своей жены в Берхтесгадене. Все тяготы и переживания остались позади. Никому не было до меня дела. За всю свою жизнь я никому не причинял никакого зла. Однако, как это всегда случалось во все времена и у каждого народа, особенно же у народа, потерпевшего поражение, под влиянием духа времени на поверхность всплыли злостные людишки.

Я сам намеревался через какое-то время явиться к оккупационным властям и представиться им в качестве начальника автопарка при фюрере и рейхсканцлере. Я считал это своим долгом.

«Величайшим подлецом на свете всегда был и будет доносчик, — сказал великий немецкий поэт Гете, чтимый всем миром. На меня донесли. На следующую ночь я был арестован американской разведкой Си-ай-си и после двенадцатичасового допроса заключен в тюрьму.

Для меня началось время бесконечных переводов из одного лагеря военнопленных в другой. Появился слух, что Адольф Гитлер жив. В каждом лагере соответствующий офицер считал делом своей чести производить длительные допросы, пытаясь установить, что случилось с моим шефом и его ближайшими соратниками.

Эта настойчивость, вполне понятная сама по себе, была для меня мукой. Всегда задавались одни и те же вопросы. Во время допросов мне расставляли одни и те же ловушки, ставить которые считали своим долгом люди, допрашивавшие меня. Обращались

со мной неплохо. Американские офицеры с уважением относились к моему рангу и поступали со мной по-человечески. И все же никто из них не мог себе представить, что человек, подобный Гитлеру, мог так тихо и просто уйти из жизни, уйти именно так, как им об этом правдиво рассказывал я. Они поверили моему рассказу о смерти Геббельса, так как русские официально заявили, что ими обнаружены трупы министра пропаганды, его жены Магды и их детей.

Но чтобы Адольф Гитлер не использовал ни одной представлявшейся ему возможности спастись — нет, такого быть не может. Обер-штурмбаннфюрер СС Эрих Кемпка, по-видимому, просто лжет.

— Командир немецкой подводной лодки сообщил на допросе американской разведки Си-ай-си, что он со своей подводной лодкой с 25 апреля 1945 года находился в Бремене в особом распоряжении фюрера, причем лодка содержалась в полной готовности к выходу. Он заявил также, что, по крайней мере, десять командиров других подводных лодок получили такой же приказ. Что вы скажете об этом, господин Кемпка?

Я только грустно усмехнулся.

— Мы установили, что 12 летчиков получили секретный приказ главной ставки подготовиться для отлета с Адольфом Гитлером за границу.

И действительно, находились такие фантазеры или глупцы, которые, чтобы привлечь к своей особе внимание, сообщали на допросах, что они доставили Адольфа Гитлера и его жену за границу.

Эти бесконечные допросы мне невольно напомнили одну беседу, которую я имел с фюрером в 1933 г. Это было вскоре после того, как Адольф Гитлер стал главой государства. Я вез его из имперской канцелярии всего второй или третий раз. Уже тогда эти слова поразили меня, и я никогда их не забуду:

— Знаете, Кемпка, живым я отсюда не выйду!

Возможно, каждая эпоха требует своих иллюзий. Для меня — человека, который никогда не сможет забыть того апрельского вечера, когда он своими руками лил бензин на труп человека, так им почитаемого и уважаемого, — для меня все, что я слышал на допросах, звучало какой-то бессмыслицей, проходившей мимо моего сознания.

На некоторые вопросы мне вообще было противно отвечать:

— С какой ноги вставал Гитлер по утрам — с левой или с правой? В какой руке он держал вилку?

Американцы вели себя как дети, задающие бесчисленные вопросы, когда им рассказывают сказку. Они не видели в этом

ничего плохого. Для них Адольф Гитлер был ужасным, но в то же время в высшей степени интересным чудом двадцатого столетия.

Из лагеря для военнопленных и интернированных в Дармштадте я был в конце июня 1946 г. доставлен на «джипе» на большой Нюрнбергский процесс; перед этим меня в течение двух дней разыскивали по радио.

Прежде чем проводить меня из тюрьмы в здание суда, американский офицер осмотрел, в каком состоянии находится мой костюм. Он был очень вежлив и заявил мне, что я одет лучше, чем, например, издатель «Штюрмера» Юлиус Штрейхер. Единственное, чего мне недостает — это приличного галстука. По его приказанию мне выдали новый галстук.

Послеобеденное время я провел в помещении американской охраны суда и допросам не подвергался. В 17 часов меня без каких-либо объяснений снова препроводили в мою камеру.

На следующий день в 11 часов утра меня проводили в зал Трибунала, и после принесения присяги я должен был дать показания. От меня хотели узнать очень многое и были весьма удивлены, что я действительно очень много знал. Во время перекрестного допроса американский обвинитель между прочим заявил мне:

— Просто смешно, что именно вы были повсюду, именно вы.

Лично я не видел в этом ничего смешного. Почти все мои товарищи, пережившие вместе со мной смерть Адольфа Гитлера и его жены, смерть Геббельсов, Бормана и доктора Наумана, были убиты или попали в плен к русским.

Для меня — человека, занимавшего при фюрере и рейхсканцлере пост, требующий особого доверия, — было очень горько подвергаться перекрестному допросу, касавшемуся моего, теперь уже мертвого, шефа.

Мне нечего было скрывать.

Все, что я — молодой человек, выходец из средней городской семьи, не имеющий высшего образования, — когда-либо делал в своей жизни, я делал из честных побуждений. Все эти люди, против которых теперь выдвигались такие ужасные обвинения, в отношении меня вели себя порядочно и обращались со мной хорошо.

Я считал бы себя подлецом, если бы отклонился от правды, отвечая на какой-нибудь хитроумно поставленный вопрос во время перекрестного допроса. И то, что до сих пор меня и одного из высших американских офицеров Трибунала на Нюрнбергском процессе связывает взаимное чувство глубокой человеческой симпатии, дает мне, молодому человеку, надежду на будущее.

В те сумасшедшие времена, которые теперь канули в

прошлое, никто не знал, что такое добро и что такое зло. Уже во время войны мне в руки попала книга, в предисловии к которой Черчилль писал: «Возможно, Гитлер является величайшим из всех европейцев, которые когда-либо жили».

Нет нужды, чтобы я высказывал свое мнение относительно приговоров, вынесенных Нюрнбергским трибуналом. Фюрер часто говорил мне, что только будущее может вынести приговор прошлому. А мы пока еще переживаем современность.

Около четырех недель провел я в крыле тюрьмы, где содержались свидетели на Нюрнбергском процессе. Мне удалось повидать кое-кого из товарищей, которых я знал в лучшие дни. Один из них — человек, которому я бы раньше никогда ничего не доверил, — вырос в моих глазах и оказался настоящим человеком. Зато другие, которых я раньше уважал, стали тряпками.

У нас не было возможности говорить друг с другом. Однако даже те немногие слова, которыми мы смогли обменяться, научили меня гораздо большему, чем все беседы, которые нам довелось вести между собой на протяжении тринадцати лет.

Мне было очень трудно сохранить в это время веру в человеческую добродетель. Повторюсь еще раз и скажу: я не могу судить о том, что справедливо и что несправедливо. Меня как рядового человека интересовало одно, как проявляют себя в этих условиях люди. Ко всем им без исключения шеф относился только хорошо. Часто — об этом Гитлер говорил, сидя рядом со мной в машине, — он сохранял их на службе вопреки доводам рассудка, так как верил в их порядочность. Не мне судить его, но может статься, что когда-нибудь история выдвинет в качестве самого большого упрека фюреру то, что он был слишком доверчив.

Из Нюрнберга меня доставили в лагерь Лангвассер. Там меня должны были освободить из плена. Но так как оформление освобождения в этом лагере военнопленных на волю уже было окончено, меня переправили в лагерь Регенсбург. Именно там я был переведен на положение интернированного. По дороге из Регенсбурга в Людвигсбург я попал в автомобильную катастрофу, от последствий которой страдаю и по сей день.

В октябре 1947 г. по решению американской военной администрации я был освобожден. Я знаю, что многим немцам выпало на долю пережить неимоверные страдания. Я знаю также, что Адольф Гитлер рассматривается теперь как одна из самых спорных личностей в истории. И только последующие поколения смогут вынести правильное суждение об этом человеке.

Послесловие автора

Глава «Адольф Гитлер» закончена — в том числе и в книге моей жизни.

Я стараюсь устроить свою гражданскую жизнь и, как многие другие, хочу обо всем забыть. Однако не перевелись еще любители сенсаций и фантазеры, которые хотят смутить душевное спокойствие людей, веривших в Гитлера.

Цель моих заметок — развеять фальшивые легенды. Гитлер никогда не возвратится. Борман мертв. Я сам при этом присутствовал и едва не погиб, когда взорвался танк. Артур Аксман, в честном и прямолинейном характере которого, пожалуй, никто не сомневается, видел позднее отброшенное взрывной волной тело Бормана и лично убедился в том, что он мертв.

Каждый человек вообще рассматривает вещи со своей точки зрения. И я мог написать только о том, что пережил сам и что произвело на меня, молодого человека, сильное впечатление и потому отчетливо врезалось мне в память.

Я не задавался целью написать политическую книгу. Возможно, однако, что эти небольшие личные переживания и наблюдения, сделанные за долгие годы самого тесного общения с Гитлером, помогут яснее представить себе столь извращенный или затуманенный облик людей, которые сыграли такую трагическую роль в судьбе Германии.

Многие читатели могут упрекнуть меня в том, что моя книга содержит и такие главы, которые на первый взгляд не имеют ничего общего с сожжением трупа Адольфа Гитлера. Я думаю, что эти люди неправы.

Всякая катастрофа (в том числе и в природе) имеет свои причины. Обстоятельства смерти Адольфа Гитлера могут быть поняты только в том случае, если дать представление о жизни этого человека. Предоставить такую возможность читателю, отрешившись от всяких политических соображений, и было второй задачей, которую я поставил перед собой, когда взялся за эту книгу. Хотелось бы, чтобы она достигла своей цели — помогла восторжествовать правде!

Заявление

17 августа 1950 г. я сделал под присягой нотариусу Гансу Бауэру, официальному представителю нотариуса доктора Вальтера Бадера в Мюнхене (нотариальная контора, г. Мюнхен, 5; адрес: г. Мюнхен, 2, Карлплатц, 10 (1), за №7715 следующее заявление:

После ознакомления с законом, определяющим ответственность, связанную с дачей показаний под присягой, заявляю:

«Я написал книгу под названием «Я сжег Адольфа Гитлера». Описанные в этой книге события я изложил в точном соответствии с теми фактами, которые мне известны, и моей совестью.

Я ничего не опустил и ничего не прибавил, а изложил исторические факты так, как я пережил их сам. Эрих Кемпка».

«Он умел обманывать…»

«Есть две истории: одна — официальная, лживая с начала и до конца, где все поступки совершаются из благородных побуждений; другая — тайная, единственно подлинная, где цель оправдывает средства. Люди в большинстве своем фаталисты; они обожают сенсации; они становятся на сторону победителя. Итак, добейтесь успеха — и вы будете оправданы. Ваши поступки сами по себе ничто; важно лишь мнение окружающих. Имейте привлекательную наружность, скрывайте изнанку вашей жизни и показывайте товар лицом. Главное — форма».

Так высказывается бальзаковский Вотрен из романа «Утраченные иллюзии». Он говорит эти слова Люсьену де Рюбампре. Более чем через сто лет соотечественник Бальзака Андре Моруа размышляет над этими словами бандита Вотрена, высвечивая их истинность, проверку историей: «И чем же кончил Рюбампре, — вопрошает он, — послушавшийся этих советов? Самоубийством в тюремной камере. Учения такого рода не выдерживают проверки жизнью. Гитлер, этот Вотрен в масштабе целой нации, дорвавшийся до власти бандит, проповедовал беспощадную жестокость, попрание всех моральных устоев, коварство и насилие. Для Гитлера поступать «как истинный национал-социалист» значило убивать детей, сжигать женщин в печах крематориев, нарушать самые священные обязательства, окружать себя палачами. И чем же кончил Гитлер? Самоубийством в рейхсканцелярии».

Личный шофер Э. Кемпка подтверждает самоубийство с присущей немцам педантичностью нотариальным документом. Да, Гитлер бесславно ушел в небытие. Бандит, преступник номер один получил свое по заслугам.

С тех пор прошло почти полвека. Завершилась «холодная война», а с нею и эпоха жесткой конфронтации. Человечество вступает в период мирного сотрудничества стран и народов, который начинает устанавливаться в ходе глубокой перестройки международных отношений на основе принципов нового политического мышления. Поиск путей предотвращения катастрофической ядерной войны существенно обострил историческое сознание народов. Возрос интерес к прошлому, особенно к минувшей второй мировой войне. Обращаясь к нему, миллионы людей хотят лучше понять трагическое и героическое, пережитое человечеством, осмыслить его, чтобы меньше делать новых ошибок.

Всматриваясь в минувшее и извлекая из него уроки, люди

хотят прежде всего хорошо разобраться в том, что связано с героической борьбой народов против фашизма и победой над ним, в которой решающую роль сыграл советский народ и его Красная Армия. Но они хотят больше знать и о том, какие силы тормозят социальный прогресс, мешают созидательной деятельности, грозят уничтожением материальной и духовной культуры. Поэтому интерес к феномену Гитлера как социальному и политическому, нравственному и психологическому явлению вполне объясним. Гитлер говорил (вдумайтесь в смысл — чем не Вотрен?): «Наши задачи в отношении России — разгромить и уничтожить ее вооруженные силы, уничтожить государство». И далее: «Уничтожающий приговор большевизму не означает социального преступления. Речь идет о борьбе на уничтожение… Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость — благо для будущего». Для этого фашизм, утвердившийся в 1933 г. в Германии, создал механизм агрессии и террора, сформировал огромную военную машину. Гитлер, вставший во главе «третьего рейха», персонифицировал антигуманные качества так называемого «нового порядка» — агрессивность, жестокость, авантюризм, лицемерие, аморализм.

Конечно, автор воспоминаний не пишет об этом. Он обходит вопросы большой политики, хотя кое-где они просматриваются. Например, в описаниях поездок Гитлера во время предвыборной кампании 1932 г., посещений им разных городов, его выступлений. По всему видно, что все это было приятно Гитлеру. Многообещающее время: он умело использует в своих интересах обстановку, сложившуюся в Германии после поражения в первой мировой войне, особенно разочарование немцев Версалем; хвастливо кричит о возможном и невозможном, дает многочисленные обещания, большей частью несбыточные. Он ведет себя как Мессия, которой суждено вывести немецкий народ из пустыни. В результате демагогии и определенных личных качеств Гитлеру удалось сделать то, что оказалось не по силам другим. Выходец из Австрии встал во главе немецкого народа. Более того, он стал их кумиром, неким идолом. Своим влиянием он покорил немцев и сумел использовать их в агрессивных войнах. «Он умел обманывать», — говорит о нем де Голь в своих воспоминаниях.

В плену этого влияния оказался и Эрих Кемпка. Он всячески способствует созданию представления о Гитлере как о человеке, не лишенном гуманности, чуткого отношения к людям, особенно ближним, внимательным, заботливым по отношению к ним. Историю, например, смерти отца автора и других. Преклонение перед своим шефом у Э. Кемпки было своего рода нормой

поведения.

Показывая окружение Гитлера, автор невольно, подсознательно характеризует и аморализм самого фюрера. Отмечается, что Борман, Геринг, Гиммлер и другие не всегда были честны перед Гитлером, а нередко плели интриги против него. Это особенно отчетливо проявилось в конце войны, когда крах фашизма и его военной машины было делом времени. Однако это не должно вводить читателя в заблуждение. Правящая верхушка «третьего рейха» отличалась полным идейным и деловым единством. Она принимала самое активное участие в выработке решений и директив фюрера, причем эти директивы, как теперь известно, были дословным повторением тех докладов и памятных записок, которые представлялись Гитлеру различными политическими и военными деятелями.

Закончил Гитлер, повторяю, самоубийством. За ним последовало сожжение его трупа вместе с трупом обвенчанной с ним перед смертью Евы Браун. Гитлер ушел от Нюрнбергского процесса. Но от суда истории он уйти не смог. Она воздаст ему должное.

С. А. Тюшкевич,
доктор философских наук, профессор
лауреат Государственной премии СССР

notes

Примечания

1

Отель «Кайзерхоф» — резиденция Гитлера до его прихода к власти. (Прим. ред.)

2

Так называемый «народный автомобиль» — небольшая дешевая машина для массового покупателя. (*Прим. ред.*)

3

Дата отправки телеграммы Геринга. (Прим. ред.)